

МАСТЕРА УЖАСОВ

18+

ФИЛИП ФРАКАССИ

ДИТЯ СРЕДИ ЧУЖИХ

Филип Фракасси
Дитя среди чужих
Серия «Мастера ужасов»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70052476
Дитя среди чужих: Издательство АСТ; М.; 2024
ISBN 978-5-17-154578-9

Аннотация

Когда юного Генри Торна крадут из дома и привозят на отдаленную ферму, находящуюся посреди леса, мальчик неожиданно устанавливает контакт со странной силой, живущей в чаще,— и использует ее для того, чтобы расправиться со своими похитителями. Но он еще не знает, что у этого древнего существа есть свои собственные причины, чтобы избавиться от незваных гостей, ведь под домом, в темном влажном подвале, спрятано то, что очень нужно чудовищу. И потому прольется кровь, и монстр, изучая людей с помощью Генри, теперь не остановится ни перед чем.

Содержание

Пролог: Мертвец	6
Часть первая: Джек успевает на автобус	8
1	8
2	17
3	24
4	25
5	33
6	35
7	40
8	47
9	55
Часть вторая: Ночные посетители	66
1	66
2	81
3	91
4	95
5	106
6	113
7	120
8	127
Часть третья: Уборщик	139
1	139
2	143

3	148
4	155
5	157
6	165
7	168
Часть четвертая: Дом в лесу	170
1	170
2	172
3	179
4	185
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Филип Фракасси

Дитя среди чужих

*Человечество существовало задолго до истории.
Юваль Ной Харари*

При формировании представления о человеке, его духовном облике и власти над природой первобытные и древние люди, очевидно, во многом полагались на странные явления, которые сегодня назвали бы духовными.

Д. Б. Райн

И там, куда она ступает, расцветают ромашки...

Одуванчики! Бабочки!

Ben Folds Five

Philip Fracassi

A CHILD ALONE WITH STRANGERS

Copyright © 2022 by Philip Fracassi

© Алина Ардисламова, перевод, 2023

© Валерий Петелин, иллюстрация, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог: Мертвец

Мертвец привлекал мух.

Когда существо вернулось, оно обнаружило куколку, слабо дергающуюся на полу, покрытую кровью и кусками кожи. Руки и ноги мужчины были раскинуты, прилипнув к стенам и грязи, но зубы висели на подбородке и груди, а месиво из головы мокрой кучей лежало на коленях; спертый воздух провонял мочой, каким-то химическим потом, а также грязью и слюной. Голова раскрылась, как цветок; личинка стала слишком большой и расколола череп через лоб. Теперь тело сгниет до того, как придет ребенок, и мясо, которым он бы мог питаться в самые первые важные дни, пропадет.

Существо поспешно закутало раскрытую куколку, накрыло ее охапкой намокших листьев, создавая вокруг нерожденного защитные слои, как скорлупки. За работой оно что-то приговаривало, повторяя одно и то же снова и снова, как молитву или заклинание.

Жужжание мух прекратилось, когда те оторвались от трупа и улетели через открытую дверь подвала в умирающий день. Через несколько секунд в комнате воцарилась тишина.

Закончив причитать, темная угловатая фигура, тощая и оживленная в полумраке подвала, выплюнула еще немного жидкости в ладони, грубые и шершавые, как древесная кора. Скользкое, как пролитые в подземном свете чернила, суще-

ство прижало свою вязкую слюну к кукле из грязи, листьев и мусора, жидкость на мгновение забурлила, а потом быстро высохла, превратившись в твердую серую пасту.

Длинный, бесформенный кокон был прижат к стене из грубого кирпича – высоко, подальше от покрытого лужами земляного пола. Окно цвета мха пропускало достаточно необходимого солнечного света, чтобы обеспечить нерожденного ребенка питательными веществами.

Пока личинка росла, она охотилась; готовилась к рождению, к переходу из грубого убежища в странный новый мир. Она была голодной.

Тонкий рот под мутно-желтыми глазами существа растягивался, и грубоватая кожа собиралась в складки.. Сдавленный кашель с мокротой вырвался из горла, испуская горячий кислый воздух и звук, не похожий ни на человеческий, ни на животный.

Радостный звук.

Звук материнской любви.

Часть первая: Джек успекает на автобус

1

Иногда хорошие люди совершали плохие поступки.

Девятилетний Генри Торн еще не успел выучить этот ценный жизненный урок. Но он выучит. И случится это теплым летним днем в 1995 году, причем самым ужасным образом.

Генри терпеливо ждал, пока его отец Джек запирает входную дверь квартиры – классом пониже дома в Лемон-Гров. Генри не нравилось, что здесь нет заднего двора, но теперь они жили вдвоем. Папа сказал, старый дом был для них слишком большим и дорогим.

Его отец опустил руку, чтобы Генри мог за нее взяться, пока они шли по открытому балкону к лестнице.

Генри смотрел на эту руку и думал обо всех переменах, через которые они с отцом прошли. И обо всех потерях. Даже Гром не поехал в Грантвилль, что для Генри было намного важнее заднего двора. Папа объяснил, что в новой квартире не разрешают держать кошек, собак или любых других животных. В тот день, когда они повезли в приют Грома – уже десять лет как кастрированного рыжего полосатого ко-

та с травмированной лапой, — отец предложил купить птичку или черепашку из зоомагазина. Генри отказался, не видя в этом смысла. Птицы и черепахи не мурчали, не гладились и не спали ночью на ногах.

Генри с отцом прожили в этой квартире почти год. Генри пришлось перейти в новую начальную школу, но он не был против. В старой у него все равно почти не было друзей. Так что и терять было нечего. Но все же учителя его любили — в основном за то, что он был умным. *Продвинутым*. Но детей такие вещи не интересуют. Им нужно, чтобы ты был веселым, знал все новые видеоигры и играл наравне с ними на перемене.

Генри вздохнул про себя — таким скрытым вздохом сожаления и потери умудренного годами старика — и потянулся, чтобы взять папу за руку.

Втиснув пальцы в теплую ладонь, Генри поднял глаза и улыбнулся как можно радостнее, пытаясь разгадать отцовское выражение лица. Но тот смотрел прямо перед собой — гигантская фигура, воплощение безопасности и любви.

Вместе они молча спустились по лестнице на тротуар. Генри протянул другую руку, ухватился за пару толстых пальцев отца и игриво сжал, надеясь, что его поднимут в воздух и перекинут через тротуар. Раньше папа постоянно так делал, но сейчас он, наверное, стал слишком большим. Слишком тяжелым. Дети в старой школе называли его толстым, и он терпеть этого не мог. Но при этом Генри был ма-

леньким для своего возраста (несмотря на небольшой животик) и поэтому знал, что отец может поднять его так же легко, как свою руку. На мгновение Генри показалось, что он ощутил рывок, и он улыбнулся в предвкушении того, что его поднимут – в предвкушении *полета* и радости в сердце, как это всегда бывало, когда они с папой играли.

Но рука ослабла, оставив Генри на тротуаре, и они продолжили идти к углу улицы.

Но это неважно, настроение Генри невозможно было испортить. Он должен был быть сегодня в школе, но прогуливал, чтобы побыть с папой. В офисе устраивали «Детский день», и он сможет сидеть с ним и смотреть, как он работает, может, даже немного помогать. Папа был бухгалтером – тем, кто считает деньги других людей и помогает им с налогами.

Он взял кучу отгулов, когда умерла мама. Месяцы. Они продали дом, упаковали все свои вещи, игрушки и то, что он собирал годами – плакаты с изображением космоса, коллекции фигурок, книги... всё. Даже его кровать погрузили в грузовик и перевезли на новое место. В квартиру. Грузчики поставили все так, как было в его старой комнате, вот только что-то больше не влезало, а его любимая лампа сломалась – та, что с лошадками, – но папа пообещал купить новую. Так и не купил, но Генри ничего не сказал.

Папе было тяжело быть счастливым с тех пор, как мамы не стало. Он никогда не смеялся, почти не играл. Однажды он заболел, и Генри уехал к своему крестному, дяде Дэйву, и

его жене, тете Мэри. Они тоже жили в Сан-Диего, но в районе получше. Тетя Мэри не всегда была доброй, а еще у нее была другая кожа – белее, чем у Генри. Она была азиаткой, а не афроамериканкой, как дядя Дэйв, папа, Генри и мама. Генри было все равно, проблема была лишь в том, что с ней было не так весело, как с дядей Дэйвом, по крайней мере, не всегда. Дядя Дэйв был крутым и всегда приносил Генри игрушку, когда заходил к ним домой. Генри любил дядю Дэйва. Не так сильно, как маму с папой, но все же любил. Дядя Дэйв всегда приходил к ним без стука и очень громко кричал: «Где мой мальчик?!», а Генри всегда смеялся, залезал на кровать, прятался под подушку и ждал, что дядя Дэйв придет, поднимет его и обнимет.

Потом дядя Дэйв сидел в гостиной с отцом и говорил что-то вроде: «Хорошо, Джек, хорошо» и «Я помогу, Джек. Позволь мне помочь, брат». Однажды папа заплакал, и дядя Дэйв заметил, что Генри за ними наблюдает, но не разозлился и не прогнал его. Он просто посмотрел печальными глазами и подождал, пока отец Генри перестанет плакать, чтобы еще немного поговорить.

– Пап-пап, а мы поедem на автобусе? – спросил Генри, заведя спереди голубой навес у тротуара.

– Нет, дружок, не на автобусе, – ответил отец тяжелым голосом, почти грустным, но как-то по-другому.

– Тогда как мы попадем в офис?

– Мы пойдем. Пешком, – сказал папа, и Генри почувство-

вал, как пальцы отца сомкнулись сильнее. Ободряюще жали.

Когда они проходили мимо синей автобусной остановки, Генри изучал лицо пожилой женщины, ожидающей на скамейке. Она улыбнулась Генри, и он улыбнулся в ответ, помахав ей рукой. Ее глаза заблестели, и Генри подумал, что она красивая. А еще от нее пахло арахисовой пастой, отчего ему захотелось есть, и он потянул папу за руку.

– Пап, а мы можем там поесть? Я все еще голоден.

Его отец не ответил, а просто продолжил идти. Теперь немного быстрее. Генри пришлось перейти на бег, чтобы не отстать.

– Так слишком быстро, пап, – сказал он, но игриво, потому что вовсе не был против. – Мы торопимся, да?

– Нет, – ответил отец и остановился. Он посмотрел вниз на Генри. Ну, не совсем *на* него. Он как бы смотрел... *сквозь* него, будто обращался к тени Генри, а не к нему самому. – У меня больше нет работы, сынок. Ее забрали. Понимаешь?

Генри кивнул, но в животе расцвело что-то холодное. Взрослым нужна работа, потому что она приносит деньги. А деньги – это все. Без денег все будут бездомными и голодными.

Его отец покачал головой, словно отгоняя комара, а затем продолжил идти. Генри все еще анализировал новую информацию, изучал ее, словно странный предмет, найденный в лесу, и делал все возможное, чтобы не отставать. Он силился

понять, как в офисе может быть детский день, если у папы больше нет работы. Генри хотел спросить, но боялся, что это расстроит папу или и того хуже – заставит понять, что все это было ошибкой, и придется пойти в школу. Тогда Генри опоздает, и миссис Фостер будет раздражена. С ней такое часто случалось, когда дети разбрасывали вещи, разговаривали, когда не надо, или слишком громко смеялись. Она *часто* раздражалась, и ей уж точно не понравится, если Генри придет поздно. Поэтому Генри держал эти страхи при себе.

Они свернули за угол другой улицы и оказались на большой дороге. Генри знал, что она называется Флетчер-авеню, потому что успел выучить. Машины проезжали намного быстрее, а папа все продолжал идти. На другую автобусную остановку? В новый офис? Генри снова и снова прокручивал в уме варианты, пытаясь понять, куда они направляются. В парк? Но он в другой стороне, на Сикамор, где они жили, в конце улицы. Генри вдруг задумался, села ли на автобус та женщина, от которой пахло арахисовой пастой, но отвлекся, когда мимо с ревом проехал большой грузовик, и выхлопной газ ударил им в лица. Генри приложил свободную руку к левому уху, перекрывая шум.

– Слишком громко, папа! – закричал он, потягивая за мясистую руку отца.

Папа остановился, повернулся и посмотрел в ту сторону, откуда они пришли. Генри решил, что он за чем-то наблюдал, поэтому тоже обернулся и увидел ярко-синий автобус,

заворачивающий за угол в конце улицы.

— Мы сядем на автобус? — перекрикивал Генри гогот чаек и шум проносящихся мимо машин.

Джек Торн отпустил руку сына, сел на корточки и посмотрел ему в глаза. Генри улыбнулся и положил пухлую ручку на папино лицо.

— Ты этого не помнишь,— сказал Джек,— ты был еще маленьким, едва ли ходил. Но однажды... ты тянулся ко мне. Я сидел за столом. Я тогда устал, много работал. А ты все тянулся и тянулся. Я поднял тебя, и ты случайно опрокинул мой стакан на бумаги. На мою работу.

Генри нахмурился, не помня такого, но все же недовольный, что так сделал.

— Прости, папа.

— Нет! — ответил он так громко и резко, что Генри испугался, и волосы на его затылке встали дыбом.— Нет,— повторил Джек, поглаживая Генри по голове.— Дело в том, что я разозлился, очень сильно, не думал трезво. Я потянулся к бумагам... ты упал...

Генри увидел, как по небритой щеке отца ползет слеза к самому подбородку. Его глаза будто покрылись пленкой, видя лишь воспоминание.

— Я тебя уронил. Ты ударился головой об пол. Ты не поранился. Наверное, просто испугался. Мы все испугались. Твоя мама была в бешенстве...

Джек осекся и скорчил на это воспоминание рожицу, ко-

торая почти напоминала улыбку. Наполненную болью и сомнением.

– Так вот, я хотел извиниться за это. Прости, что уронил тебя тогда. Я люблю тебя, сынок.

– Я тоже люблю тебя, папа,– сказал Генри, и отец крепко его обнял. Тогда Генри было все равно, куда они идут, его не волновала квартира, Гром, двор и дети в школе. Папа казался таким сильным и теплым, что Генри улыбнулся, зарылся лицом в синюю папину рубашку и закрыл глаза, вдыхая запах. Он хотел, чтобы это объятие длилось вечно, потому что они уже давно *так* не обнимались.

– Я никогда не оставляю тебя, сынок,– сказал отец.

Джек встал, все еще крепко держа Генри на руках. Генри прижал свою щеку к щеке отца и почувствовал холодные, мокрые слезы. Он хотел что-то сказать, спросить, почему тот плакал, но тут они двинулись.

Генри открыл глаза и увидел, что они вышли на дорогу. Он посмотрел вверх, поверх папиного плеча, в бескрайнее голубое небо. Мир закружился, когда его отец повернулся, и Генри увидел размытое пятно сигналящих машин, разноцветных людей, машущих с тротуара, а потом в его ухо ворвался громкий голос отца:

– Не смотри!

Мочевой пузырь Генри опорожнился прямо в джинсы, и он закричал, увидев несущийся на них автобус с ревущим клаксоном. Долю секунды мальчик боролся с крепкой хват-

кой отца; инстинкты взяли свое, и он толкался изо всех сил, чтобы *вырваться*. Раздался механический рев и глухой хруст, а затем Генри полетел. Он услышал, как кричит чайка или женщина, и ему тоже захотелось закричать, но у него не хватило дыхания.

Что-то большое и тяжелое вонзилось в его маленькое тельце, и мир погрузился во тьму.

Сознание Генри очнулось, и полились звуки.

Голоса. Кто-то кричал. Боялся. Плакал. Откуда-то слышалось: «О господи, о господи» снова и снова. Женский голос. Истеричный. Раздался гудок. Еще голоса – торопливые, деловитые.

Его мертвое тело подняли, и чувство *полета* было очень сильным, хоть он и не ощущал физической оболочки. Не было боли. Была только *теплота*.

Восхитительная теплота. Будто его внутренности грели на солнце. Он *стал* теплотой – взлетал, летел, все выше и выше. Голоса стали тише. Дальше.

Он открыл глаза.

Была вспышка белого света, а затем оживленная улица, толпа людей. Он был выше их всех, как низко летящая птица. Пожарная машина, огромная и красная. Еще была скорая и две полицейских. Резкие оранжевые вспышки. Полицейские кричали на проезжающие мимо машины, махали им. Генри увидел океан, серебристые осколки далеких чаек, парящих над ним.

Он видел все это одновременно. Какая-то часть его знала, что это невозможно, но в то же время это казалось *правильным*.

Затем мир расплылся до резкой белизны; его тело прон-

зила обжигающая нервы боль. Он крепко зажмурил глаза, хотел закричать, завизжать, но не смог.

БАМ!

Генри не раскрывал глаз. Ему было ужасно страшно. Вокруг так много кричали. Его тело кто-то тянул за разные конечности, и он хотел взвыть: «*Хватит!*»

БАМ!

Он лежал на кровати на колесиках, вибрация от вращающихся колес отдавалась в его спине и ногах. Он был быстрым, как ветер – *летел, летел* – сквозь хаос и шум. Боль отступила куда-то далеко, и он отодвинул ее еще дальше, создал барьеры между ее скрежещущими зубами и своей плотью. Он боялся боли, был в ужасе от того, что она делала с его телом и разумом. Боль была зверем, чудовищем, сшибающим непрочные стены его сознания, отчаянно пытающимся добраться до него.

Как страшно увезите его пусть все прекратится...

Затем – когда боль стала почти невыносимой – его услужливый разум снова наполнился этим знакомым, желанным теплом. *Покоем*. Он снова взмыл ввысь, и радость запела в его сердце, когда все исчезло – звуки приглушились, тошнота от полета исчезла; монстр оказался в ловушке, до которой еще далеко. Он долго ждал, желая убедиться, что его не запрут обратно в клетку хаоса и боли, где сидел монстр.

Когда он почувствовал себя в безопасности, почувствовал *уверенность*, то снова медленно открыл глаза.

Он был в большой, светлой комнате.

Его спина была обращена к потолку. Он посмотрел вниз с высокого, дальнего угла.

Паря в воздухе.

Он увидел людей, столпившихся вокруг маленького тела. Они срезали одежду, хватали комки марли и прижимали к окровавленной плоти. Он подался вниз, не раздумывая — *мгновение*,— и вот он уже наблюдал за происходящим из-за плеча крупного мужчины с волосатой шеей. Мужчина был одет в белую одежду и грубо прицеплял что-то к телу. Женщина все еще срезала — *чик-чик-чик*,— а потом снимала кровавые штаны, убирала лоскуты запятнанной рубашки.

Генри взмыл выше и посмотрел на обездвиженное тело, которое трясли словно куклу.

У нее было его лицо.

Он не чувствовал тревоги. Ни страха, ни паники.

Его обнаженная фигура выглядела хрупкой и изломанной на большой кровати. Из рук и ног торчали трубки, лицо закрывала маска. Ему хотелось рассмеяться над тем, как глупо он выглядел там голым, в одних синих трусах, но потом он увидел страх на лицах взрослых. «*Медсестры и врачи*»,— понял он и продолжил себя рассматривать. Нога была странно согнута, а грудь, впалая над маленьким круглым животом, выглядела *неправильно*. Какой-то мужчина взял нож и разрезал кожу, покрывающую грудную клетку. Волна крови вырвалась наружу, потекла по его коже, собираясь в лужицу

на кровати. Кто-то протянул мужчине толстую трубку, и он просунул ее конец в разрез. Генри отвел взгляд.

– Генри!

Р-раз.

И он в другой части больницы. Там были дядя Дэйв и тетя Мэри. Тетя Мэри плакала. Дядя Дэйв кричал на мужчину в костюме. Почему он так зол? Из-за чего тут злиться? Все было так чудесно, так спокойно.

– Генри!

Голос раздался снова, и Генри почувствовал, как в его существо с новой силой вливается жар, *сияние*. Он улыбнулся и громко рассмеялся.

Он закрыл глаза, переполненный счастьем.

Что-то... *коснулось* его. Словно языки огня, который не жег – словно все твоё естество, твою *душу* поцеловали и обняли, заполняя чистой любовью. Он открыл глаза.

Там была его мама, ждала его.

Она была прекрасна. Его разум, его сознание – его *дух* – устремились к ней, и они соединились, их существа переплелись друг с другом в объятии, каких он еще никогда не испытывал. Генри впитал любовь своей матери – поток света, льющийся в его душу. Это было великолепно.

– Мама, – сказал он и понял, что видит ее без глаз, потому что у него больше не было ни глаз, ни тела, ни веса, ни плоти. Не было боли. Не было монстра. А мама была ярким сияющим светом, наполненным любовью. И он четко ее видел.

— Генри,— сказала она голосом, подобным порыву теплого ветра.— Генри, я люблю тебя.

Затем она заговорила, что-то рассказывала, раскрывала секреты, но он не слышал слов, только чувствовал их вибрации, неуклонно нарастающие, гудящие, сотрясающие. Разум Генри загорелся, и он открылся ей, тому, что было *за* ней. К тому, что его ждало. Его сознание вспыхнуло, как чиркнувшая спичка, воспламенилось и сгорело дотла, и его полностью поглотила эта сила. Он расширился, стал частью того мира.

Кто-то второй. Знакомый. Успокаивающий.

Папа?

Что-то скользнуло в него, как масло в кровь, заполнило его. Генри захотелось еще, он *жаждал* еще...

Дерг.

Что-то потянуло его за собой. Как рыба, клюющая на еду на крючке. Он попытался отогнать это что-то.

Дерг.

Дерг.

ДЕРГ.

Свет ускользал, угасал, и сущность Генри сжималась. Мать окликнула его на прощание. Ее любовь распалась на нити, как лента, и узлы света, обвивавшие его крошечный дух, растворились.

Но второй, этот *новый*... он остался. Поселился где-то глубоко внутри, устроился в закоулках его разума, как кош-

ка в квадратике солнца на полу.

Остатки этого связующего света выскользнули из него. Генри отпустили, и ему показалось, словно его сбросили с большой высоты.

Сознание ударило его, как пощечина. Кто-то засмеялся. Его тянули за руки, ноги, лицо. Он отстранялся, боролся с ними. Горячие, ненавистные руки. Снова смех... а потом боль.

— *Папа!* — Огонь теперь стал болезненным, Генри взорвался вместе с ним, тянущие руки пропали, что-то схватило его за живот и потянуло его вниз, его грудь горела, будто он выпил кислоту, его легкие наполнились этим ненавистным огнем...

Р-раз.

Глубоко внутри Генри закричал. Закричал, потому что теперь он чувствовал *все*. Холод и тьму. Невероятную тяжесть. Изрезанное и сломанное тело. *О нет, о нет, пожалуйста, нет!* Это было слишком — слишком больно, слишком плохо.

Ему хотелось открыть рот и завыть, протянуть руки и найти маму, найти свет, но он не мог пошевелиться, не мог дышать. Его разум метался — мысли распадались на части, разбитые вдребезги болью.

Отдаленное ощущение. Что-то скользнуло в его голове, как угорь по камням под темным ручьем, а затем исчезло. Спряталось.

Мягкий палец приподнял его веко, и на долю секунды он

увидел мир – призрачный, размытый хаос из желтых и коричневых тонов. Он почувствовал запах гнили и разложения, вонь крови и смерти. Так много боли! Пульсирующая боль, колющая боль. Он хотел к маме и папе, но его тело было разорвано; он задыхался и ослеп. В него вонзилось что-то острое. Его рот приоткрылся, и внутри оказалось что-то твердое и холодное, проникло в его горло, дальше и дальше, извиваясь, пробиралось внутрь. Кожа была проколота и порезана. «*Мама!* – плакал он, и мольба эхом отдавалась в его голове. – *Мама, они рвут меня на части!*»

Предохранитель глубоко внутри него вспыхнул и погас; мозг потух, как задутая свеча.

Он отпустил. Отпустил и упал назад, прочь от боли, прочь от света, назад, во тьму.

Она была вечной.

И тогда он больше не думал.

Через десять дней после несчастного случая и менее чем через двадцать четыре часа после того, как он потерял работу (работодатель признал его виновным в смерти Джека Торна на основании грубой халатности и того факта, что он был пьян во время инцидента), сорокавосемилетний водитель автобуса Гас Ривера, одинокий и бездетный, сын Хуаниты и Джорджа Риверы, подъехал на своей серой «Хонде Сивик» к мосту Коронадо сразу после полуночи. Он небрежно припарковался, заехав колесами на тротуар. Гас не выключил двигатель и перешагнул через ограждение. Его тело упало с высоты 200 футов и ударилось о ледяную воду залива Сан-Диего со скоростью примерно 70 миль в час (на 18 миль в час быстрее, чем решетка его автобуса, когда она ударила Джека и Генри Торна), от удара у него раздробился череп и сломался позвоночник, что привело к немедленной смерти.

Автобусная компания, опасаясь негативной огласки и потенциального ущерба в десять миллионов долларов как от своих штатных юристов, так и от страховой компании, быстро отреагировала на требования Дэйва Торна предложением в два миллиона вместе со стандартным соглашением о конфиденциальности.

Дэйв согласился, и вопрос, по крайней мере, в глазах компании, был закрыт.

Дэйв устал.

Он опустил взгляд на аккуратные стопки бумаг, все они были скреплены и усеяны стикерами и пометками, написанными его ровным, четким почерком. Уже в тысячный раз за последние несколько месяцев мужчина задумался, не подать ли иск о незаконном увольнении на бывшего работодателя его брата Джека – компанию «Экватор Файненшиал», предоставляющую услуги по подготовке налогов и корпоративному бухгалтерскому учету. Теперь, когда Дэйв разобрался с иском на автобусную компанию (во внесудебном порядке, так что аллилуйя), у него было больше времени на другие. Он искренне верил, что может выиграть, и если он доберется до нескольких нынешних и бывших сотрудников, включая офис-менеджера – жирного, мерзкого мужика по имени Трент Ривентон, – тогда *точно* сможет доказать, что Джека уволили из-за расовых предрассудков, а не из-за плохой работы, как они тогда утверждали.

«Я бы тогда и Алексу Хастингс засудил, – хмуро подумал Дэйв. – Эту сраную расистку». Он считал, что именно она толкнула первое домино, цепочка которого привела к «несчастному случаю» Джека. Дэйв мечтал, что дьявол уготовит уютную комнатку в самом худшем районе гетто ада для Алексы Хастингс.

Именно Хастингс пожаловалась на то, что ей назначили Джека, а потом потребовала, чтобы ее личные финансы и учет сети старомодных кафе-мороженох вел белый бухгалтер. «Бабушкины рецепты» превратились из одного маленького кафе в пустынном уголке центра города в два, затем в три, а потом и в четыре, и все в полумиле друг от друга. После потока денежных средств от доброго инвестора Алекса за несколько коротких лет расширила свою сеть до более десяти филиалов в Южной Калифорнии. Натуральное мороженое, приготовленное прямо в кафе; более сотни начинок, посыпок, сиропов и соусов. Дэйв сам попробовал один из классических бабушкиных вафельных рожков с фисташками, посыпанных измельченным кешью и горячим брауни, и не мог поспорить с качеством, а также огромной калорийностью сладости. Та самая бабушка, видимо, умерла с лишними ста килограммами и диабетом, учитывая, сколько сахара (хоть и натурального) было с любовью насыпано в каждую ложку.

Зато он мог поспорить с тем, что за ангельским улыбающимся бледным ликом бабушки, который висел на каждой витрине и украшал каждую салфетку, скрывалось лицо художавой, дважды разведенной бывшей школьной учительницы по имени Алекса Хастингс. А старая Алекса, будь она хоть сотню раз учительница и новоиспеченная бизнес-магнатка, была всего лишь старомодной фанатичкой с глубокими южными корнями, размахивающей флагом Конфедерации.

Через неделю после ее жалобы на то, что ее огромное и невероятно сложное налоговое бремя снял чернокожий мужчина, Джека уволили. Этот ублюдок Ривентон с радостью списал все на производительность Джека, заявив, что «недавняя утрата» плохо сказалась на его работе, и он больше не может выполнять свои обязанности. Мало тому было, что после двенадцати лет брака рак груди отнял у него жену; мало было увольнения из-за простой прихоти какой-то богатой расистской стервы, так нет, Ривентон сделал еще хуже и использовал горе мужчины как оправдание. Ну да, вдруг бедняга не чувствовал себя достаточно паршиво, надо еще сделать вид, что все случилось из-за его слишком огромного горя, которое мешало ему выполнять любимую работу. Ради которой он так надрывался, пошел в универ, а Оливия (упокой Господь ее душу) днем оставалась дома с маленьким сыном, а ночью работала официанткой, чтобы им было на что жить.

Да, Дэйв с радостью встретится с Алексой Хастингс и Трентом Ривентоном в суде. Это будет слаще, чем фисташковая вафля бабушки. Но пока что он займется иском на всю компанию вместе с их высокооплачиваемой и престижной нью-йоркской юридической фирмой. Посмотрим, сможет ли он выжать из них такой же большой чек.

Видит бог, парню понадобятся деньги.

Дэйв отодвинул бумаги в сторону, снял очки и откинулся на жесткую спинку больничного кресла. Он посмотрел

в другой конец комнаты на мониторы и аппараты, мигающие огоньки, пищание звуки, которые, к счастью, означали, что все идет хорошо. Мужчина перевел взгляд на лежащего мальчика, такого хрупкого и маленького; его тело стало почти вдвое меньше, чем три месяца назад, когда его только сюда привезли; правая нога и грудная клетка раздроблены, череп треснул, мозг распух.

«Но, слава Богу, он выжил,— горело в сознании Дэйва. Он *борец* и зашел уже так далеко. Пережил каждую операцию, каждую неудачу.

Дэйв внимательно наблюдал за ним и смотрел, как поднимается и опускается грудь. Видел устойчивый ритм сердца на мониторе, разноцветные линии на другом экране, показывающие нормальную активность его мозга, даже несмотря на кому. По словам доктора, мозг даже был «невероятно активен». Будто ребенок мог проснуться в любой момент.

Но Генри не очнулся. Пока нет. Не когда они хоронили его отца. И не когда фирма Дэйва подала в суд на автобусную компанию из-за халатности водителя и моментально получила компенсацию; процесс ускорил непредвиденный прорыв, когда Дэйв получил известия, что водитель автобуса провалил тест на трезвость, превысив допустимый предел в три раза. У этого ублюдка даже под сиденьем была фляжка с водкой, которую он пил за рулем.

А потом он прыгнул с моста Коронадо.

Хоть несколько очевидцев и заявили под присягой, что

Джек сам вышел – с ребенком на руках – перед летевшим на полной скорости автобусом, а компания утверждала, что автобус не нарушал правил дорожного движения, неопровержимые доказательства против водителя и последовавшая за этим публичная драма, которая длилась бы несколько месяцев, а то и *лет*, они договорились вне суда. Но неважно, кто что сделал, всем было ясно одно: мальчик определенно был жертвой, и автобусная компания из-за общественного мнения точно не смогла бы закрыть глаза на девятилетнего мальчика в коме. Если выбирать между пьяным водителем и ребенком в коме, победитель был очевиден. Поэтому спустя два онлайн-созвона и столько же недель они договорились, и сумма Дэйва устроила, хоть он и знал, что мог получить больше. Этот бой точно можно было выиграть.

Но Дэйв хотел лишь того, чтобы они с Генри двигались дальше.

Поэтому он согласился, попросив только, чтобы автобусная компания сверху покрыла расходы на похороны Джека. На этом дело закрылось, и Дэйв чувствовал бы себя победителем, если бы его младший брат не погиб, а племянник не дышал через трубку, в то время как мозг попал в паутину глубокого бессознательного состояния.

«Нет, дело было нехорошее, – подумал Дэйв, наблюдая за теми же рисунками на мониторах, что и три недели назад. – *Но иногда хорошим людям приходится поступать плохо, верно?»*

Дэйв посмотрел на свои руки. Пожалуй, хорошо, что Генри не очнулся до похорон отца. Ему не пришлось переживать допросы автобусной компании, которые наверняка поступили бы, будь он в сознании.

Да, хорошо... Хорошего было немало.

Включая тот факт, что у него с Мэри, несмотря ни на что, теперь будет свой ребенок. Мэри не была в восторге, да и до сих пор это не изменилось, но она смирилась. Какая-то ее часть все еще хотела родить своего малыша, но в глубине души она знала, что это почти невозможно. Дэйв был уверен, что она полюбит Генри как родного. Он же был его плотью и кровью. Его племянником, крестником, единственным сыном единственного брата, ныне покойного, сраженного горем и убитого депрессией.

Если бы только Дэйв мог это простить – простить брата за такой эгоистичный поступок. Простить за то, что тот – непостижимо – пытался убить и собственного ребенка. И тогда, возможно, однажды он сможет снова впустить в свое сердце какую-то любовь к Джеку. Но сейчас... Нет, не сейчас. Он видел тело мальчика. Был на месте аварии. Изучил фотографии, сделанные сразу после и незадолго до того, как скорая помощь и врачи героически спасли жизнь Генри. Он видел тело Джека – разорванное, изломанное – все еще прилипшее к решетке автобуса, как гигантский жук, осколки костей вылезали из кожи, конечности вывернулись, из-под автобуса ярдов десять тянулась длинная полоса крови, смешиваясь с

черными следами от шин.

Это было одним из (многочисленных) доказательств против автобусной компании: следы торможения появились только спустя метров десять *после* места столкновения. Прошло почти три секунды. Один этот факт заставил Дэйва задуматься над трезвостью водителя, и его теорию подтвердила полиция Сан-Диего и поставила крест на судебном разбирательстве компании. Во время разговоров с юристами Дэйв сохранял хладнокровие и бесстрастность, считая пятна крови и куски плоти всего лишь мазками кисти художника, уликой, подлежащей анализу. Ведь если бы он позволил себе подумать, *вспомнить*, что красная полоса когда-то была его младшим братом Джеком, с которым он играл в бейсбол, десять лет спал вместе, стоял рядом, напряженный и счастливый, в день свадьбы... тогда он бы закричал. Закричал и выбежал из конференц-зала, дергая себя за волосы и вопя, плача от ужаса и печали. От *трагедии*.

Но фотографии Генри были намного хуже.

Тело Джека смягчило удар *ровно* настолько, чтобы Генри выжил, но не раньше, чем мальчика выбило из крошечных кроссовок, отбросило на двадцать футов, как камешек, который ударился о заднее ветровое стекло припаркованного BMW – маленькое тело безвольно покоилось на багажнике ярко-красной машины, одна нога вывернута под тревожным углом, а под головой – ужасная подушка из разбитого стекла.

Только за это он не мог простить своего брата. Воспоми-

навание о теле мальчика вырвало прощение из сердца. Осознание поступка Джека ужасно ранило, не давало спать по ночам и лишало аппетита. Простить любимого – значит исцелиться, но Дэйв боялся, что его раны никогда не затянутся, что ему всю жизнь придется жить с болью, сожалением и гневом.

Сидя в той больничной палате, слушая знакомые гудки и жужжание аппаратов, поддерживающих жизнь Генри, Дэйв закрыл лицо руками; ему в миллионный раз хотелось плакать и кричать.

Но больше этого, больше всего на свете ему хотелось, чтобы Генри *очнулся*.

– Пожалуйста, – тихо сказал Дэйв, молясь сжатым кулаком, будто прося о прощении, освобождении от болезненного горя, – пожалуйста, Генри... пожалуйста, очнись.

«*Боже правый*, – подумал он, шмыгая носом и вытирая слезы усталости и страданий, – *как же я устал*».

Дэйв вымыл руки и подставил их под сушилку, терпеливо ожидая, пока на коже не останется воды. Он не спешил возвращаться в палату Генри, не спешил идти домой или звонить в офис, чтобы свериться с растущим списком клиентов, которыми он пренебрегал последние несколько недель.

Нет, Дэйв просто постоял, высушил руки и поблагодарил непонятно кого за то, что до сих пор находился здесь как посетитель, а не как пациент. У него уже был такой опыт. Несколько лет назад из-за инфекции мочевого пузыря его член горел, как пожарный шланг, гоняющий кислоту. Те две ночи, когда его проверяли и пичкали антибиотиками, были самыми неприятными в его жизни. У него не было ни сил, ни желания их повторять.

Дэйв вздохнул и увидел в зеркале собственное лицо. Под налитыми кровью глазами набухли мешки, виски поседели, лоб прорезало глубокими морщинами беспокойства. Ему казалось, что шея и щеки потолстели, хотя он каждый день по часу занимался спортом перед тем, как пойти на работу. Конечно, его заверили, что с сердцем и холестерином у него все в порядке, но ему все равно не нравился его внешний вид. Мэри всегда говорила, что он похож на Сидни Пуатье; возможно, когда-то так оно и было, но и Пуатье уже стал седым. *«Стареют даже красавицы»*,— устало подумал он и рассме-

ялся над собой.

– Старый, тщеславный придурок, – сказал он и снова рас- смеялся. Возможно, нехватка сна, давление многочисленных исков и состояние Генри наконец-то свели его с ума. Наверное, так оно и было, и Дэйв надеялся, что возьмет у Мэри парочку таблеток мелатонина, и, может, тогда на пару часов...

Его мысли оборвались от звука громких шагов в коридоре.

Кто-то бежал.

Дэйв замер, а потом взял себя в руки. Открыл дверь в туалет и безвольно смотрел, как мимо проносятся медсестры.

В палату Генри.

«Почему они бегут? – подумал Дэйв и почувствовал, как его колени превратились в желе. – Господи, о боже, почему они бегут?»

Генри бродил целую вечность.

По разрушенным пейзажам, по небу, которое меняло цвет с черного на красный, с синего на белый, иногда будто за несколько минут, а иногда – за тысячелетия. Он попробовал вселенную на вкус, познал песню сотворения. Слушал отчаянное пение, пел отчаянные песни, выкрикивал псалмы, молился, поклонялся и просил прощения за себя, за своего отца и за все человечество.

Он провел бесконечность в темноте. Глубокой, теплой темноте. Там были существа, шепчущие демоны, пытающиеся причинить ему боль – и у них это получалось, они очень долго доставляли ему сильную, невыразимую боль. Его пытали, любили, держали... а потом отпускали.

Его мозг сужался; сознание втиснулось в грубую корку суровой реальности, свернулось подобно тому, как закрывается огромный таинственный цветок, словно яркая мандала уменьшилась до точки.

Постепенно к нему вернулась телесность.

Сначала слух. Затем обоняние. Он в ужасе вздрогнул от этих ощущений; ему было противно резкое покалывание в мышцах, биение сердца, боль в шее, спине и ноге. Голова казалась тяжелой и разбитой. От него исходило зловоние смерти и летаргии. Но хуже боли было полное, поглощающее

чувство отчаяния, словно голодный черный туман пожирал внутри него свет. Душа казалась тяжелее плоти, ожидавшей ее возвращения.

По мере усиления боли он медленно просыпался, словно убаюканный мелодией, которая резко превратилась в сирену, взрывом, что резко *выдернул* его из трясины, рывком поднял и вывел из тумана. Тени преследовали его, когда его тянуло вверх. Пока он поднимался все выше, в его сознании мелькали разноцветные огни, все быстрее и быстрее... а потом мерцание замедлилось до устойчивого ритма. Огни росли, мерцание размылось и сгладилось, пока не превратилось в однородный, невероятно белый *свет*.

Острое сияние обжигало закрытые веки, требуя внимания.

Поэтому он открыл их.

Генри поморщился от яркого света в комнате. Он попытался заговорить, но не смог. Что-то было у него во рту, заполняло горло. Мальчик повернул голову, пытаясь понять, где находится и что происходит. Из руки торчали трубки. Страх усилился, когда он опустил взгляд на обнаженное тело – еще одна трубка вела к животу, а третья – между ног. Его дыхание участилось. Настырный писк соответствовал его учащающемуся сердцебиению.

Что со мной случилось?

Воспоминания о времени вне тела рвались в клочья, а затем полностью растворились. Земля не для них, это не ме-

сто для безвременья и видений загробной жизни, астрально-го мира духов.

Генри попытался сосредоточиться, уловил отблеск чего-то блестящего на столе рядом с кроватью. Он заставил свою руку потянуться – прикоснуться, изучить. Хотелось понять этот новый мир. К нему поступало все больше информации, больше ощущений: воспоминаний и мыслей. Но не его, нет, не его.

Других.

С каждой секундой они заполняли его голову.

Я больше не буду встречаться с этой скотиной, клянусь...

Мама меня ненавидит. Если бы она умирала в этой же больнице, то потребовала...

Ненавижу. Ненавижу эту боль, она бесконечна. Просто дайте мне умереть...

Генри закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. Замедлить этот бешеный сенсорный перегруз. Ограничить вход – то, что он видел, звуки голосов, шагов и пищавших машин, боль в теле, *чувства* душ вокруг него. Он приказал своему разуму успокоиться, остаться внутри себя. Он вдохнул через нос, медленно выдохнул и снова открыл глаза.

Он отогнал мысли, боль, странные чувства и сосредоточился на чем-то *одном*. Чтобы успокоиться. Бросить якорь в этом странном новом существовании. Блестящий предмет на столе, серебряный и сферический. Он и стал первой це-

лью.

Сосредоточившись – теперь уже с целью, – Генри приказал своей руке *двигаться*. К его изумлению и восторгу, маленькая ручка оторвалась от белой простыни и потянулась мимо защитной балки... – *кровати, это кровать, Генри,* – и надавила на блестящую металлическую поблескивающую чашу; его пальцы казались такими большими и гротескными в ее изогнутом отражении. Он двигался дальше, пытаясь почувствовать, прикоснуться... он тянулся... и чаша соскользнула, исчезла со стола...

...а потом упала на пол с громким *бам*.

Его сознание затопила *паника*.

Но не его собственная.

Дверь в комнату открылась, и Генри повернул голову к посетителю. За ним наблюдала женщина. Он мог *слышать видеть прикасаться чувствовать цвета образы мысли*, хлынувшие из нее. На мгновение он пришел в ужас. Генри хотел отгородиться от этой женщины, закрыть глаза и вернуться в тихую темноту.

Вместо этого он широко открыл глаза – ВСЕ свои глаза.

Он распахнул *всё*.

Изумление. Вот что лилось от женщины – *медсестры, ее называют медсестрой,* – стоявшей в дверях. Она уставилась на него в... да, в изумлении, а затем пришла главная мысль, такая же яркая и четкая, словно женщина встала с ярко освещенной неоновой вывеской:

Он проснулся! Боже мой, мальчик проснулся!

Страх Генри исчез, погребенный под ошеломляющим удивлением и радостью медсестры.

Когда она громко рассмеялась и приложила дрожащую руку к подбородку – несмотря на пластик, закрывающий рот, и болезненную сухость губ, – Генри не смог удержаться от улыбки.

Через несколько дней после того, как из горла Генри извлекли эндотрахеальную трубку, Джим Кэди, огромный мужчина, одетый в кроссовки, черные брюки-карго и белую футболку, оттопыренную на плечах и бицепсах, заказал еще две порции «Джека Дэниелса». Его руки были сжаты в кулаки и покоились на покрытой лаком стойке из красного дерева, словно концы двадцатифунтовой гантели. Его волосы были коротко подстрижены. А опущенные глаза соответствовали коже цвета могильной грязи.

Но в отличие от большинства идиотов, которые сидели в баре в середине дня, пристально уставившись на рюмку, которая то наполнялась, то пустела, Кэди, вообще-то, нашел сегодня работу. А вместе с ней и цель.

Ну, пока нет. Не официально. Но работа будет. Он об этом позаботился.

Джим открыл обложку потрепанного по краям красного блокнота на спирали, лежащего рядом с пустыми рюмками на стойке. Первые зачитанные страницы были заполнены подчеркнутыми именами с номерами телефонов. Под каждой записью были аккуратные пометки, строка за строкой, пункт за пунктом. Что ему от них было нужно. Что они могли ему дать. Кто был в деле. Кто – нет. Кому был должен Джим, а кто задолжал ему.

Толстая черта пересекала множество имен. Большую их часть, на самом деле.

Эти записи, эти страницы были основой – *фундаментом* – его Планов.

А Планов было много.

Некоторые увенчались успехом, но приходилось признать, что большинство – нет. Исход многих зависел от судьбы. На страницах потрепанного блокнота (и многих других подобных ему) были списки небольших халтур – вид насилия и краткосрочной выгоды, которые проложили бы ему путь обратно в тюрьму на несколько лет – сделки с высоким риском и низким вознаграждением. На отчаянные времена. Другие планы были долгосрочными. Их надо было продумывать годами. Давать на лапу всем в городе, рассаживать своих по ключевым местам, чтобы нашептали, когда случится *то* или *это*. У него были десятки, сотни страниц Планов – какие-то хорошие, какие-то не очень, какие-то потенциально отличные. Некоторые были не более чем набросками, идеями, которые можно реализовать, если подвернется подходящая возможность.

Вариантов не бывает слишком много.

Джим завел первый блокнот, когда был подростком. Он уже потерял счет, сколько их было с тех пор – какие-то навсегда исчезли в огне, сожжены, чтобы защитить виновных; какие-то он хранил на будущее. В молодости он в общих чертах расписал все преступления, которые мечтал совершить,

размышлял и прописывал, пока его отец отсыпался в соседней комнате, даже не желая брать на себя роль родителя. Напуганный мешок дерьма.

Тот парень – маленькая версия Джима Кэди – расписал все детали вымышленных сценариев, а потом медленно воплощал их в жизнь.

Хоть и несколько иначе.

Мечта об ограблении банка превратилась в реальное ограбление местного цветочного магазина; вместо убийства «вожака улиц» он выстрелил ночью в главаря местной банды. Борьба за становление криминальным авторитетом – главная мечта – обрисовывалась все четче, когда Джим начал встречаться и тесно сотрудничать с единомышленниками, как криминальными, так и законными (его девизом было *«заплати или убей»*), чтобы получить правильную работу, поговорить с правильным человеком или убрать неправильного, и под конец он уже оказался в таком положении, из которого мог доработать детали своих многочисленных сложных *Планов*.

Его первая успешная манипуляция всего в девятнадцать (но он уже тогда казался огромным) принесла ему работу ночного менеджера круглосуточного супермаркета неподалеку. Так у него открылся доступ к еде и бухлу. К тому, что можно было съесть, выпить и продать. Сначала ему нужно было запугать парочку более квалифицированных кандидатов, чтобы те отказались от должности. Затем он передал

пятьсот баксов помощнику дневного менеджера, чтобы тот его порекомендовал, пообещав ему кое-что – деньги, которые тому были нужны на аборт своей девушке. А об этом Кэди узнал из третьих уст. Если бы этот болван отказался от денег, тогда ему пришлось бы доставить неприятности этой девушке, хоть она и была беременной. Серьезные неприятности.

И так продолжалось много лет.

Столько Планов. Куча страниц с идеями, с ситуациями – некоторые остались позади, некоторые все еще пишутся.

Когда он в конце концов угодил в тюрьму, Джим сотрудничал с другими заключенными, чтобы разработать больше идей, больше схем. Все они попали в блокноты. Каждая схема, каждая деталь, каждый потенциальный путь к успеху. Охранникам было все равно. Черт, да он щедро подкупал многих, и некоторые до сих пор остались в долгу и предоставляли информацию изнутри или оказывали услуги.

Следующая.

Его палец остановился на имени. Оно было подчеркнуто. Дважды. Коп, который ничего ему не был должен, но по слухам с радостью обменяет информацию на пару сотню баксов или наркоту.

В этом случае информацию об одной аварии, на которую всем было насрать.

Следующая.

Другое имя. Парень из обслуживающего персонала с при-

страстием к дерьмовому кокаину, который пообещал сообщить Джиму, если кое-кто выйдет из комы. Джим закрыл глаза, сделал глубокий вдох, ощутил запах несвежего пива, теплый воздух, приносящий свой собственный привкус пыльных улиц и потухших сигарет. *«Очередной тупой стукач»*,— подумал он, почти улыбаясь. Кэди представил, как информация течет по широкой сложной сети прямо к нему. Такая личная матрица, где он — паук в центре огромной паутины.

Следующая. Следующая.

Именно эту страницу он и искал. Со сложенной и приклеенной скотчем газетной вырезкой. Печальная история о мужчине и его сыне, которых сбил пьяный придурок за рулем автобуса. Но ребенок... ребенок выжил. Он был в коме, но очнулся. Каким-то чудесным образом *выкарабкался*. И по воле судьбы у парня был крутой дядя-юрист, который тайком подал в суд на автобусную компанию. Все ожидали большого судебного разбирательства, но все решилось быстро, и на это Кэди обратил внимание. Его глаза в сотый раз пробежались по статье, пока он не наткнулся на слова, эти волшебные слова:

Решено во внесудебном порядке. Сумма компенсации не разглашается.

Кэди улыбнулся, потому что знал сумму. Еще как. «Внатуре», как говорили в тюрьге. До хрена. Чек, который собьет с ног любого. Ему сказали, там больше двух миллионов. И

все это одному ребенку за то, что его сраный отец встал перед автобусом, которым управлял пьяный мужик.

Под вырезкой было еще несколько имен. И контактов. Некоторые были потенциальными кандидатами. Других он вычеркнул.

Но пришло время осуществить план, и ему нужна будет помощь. Надежная помощь. Он просмотрел имена, быстро прокрутив все в голове, прокладывая маршруты, обдумывая пути к головокружительному успеху.

Сначала о главном. Это долгая игра. И ее нужно начать уже сейчас. Нельзя терять времени. Не сейчас. Как только первый шаг будет улажен, он начнет звонить, назначать встречи, собирать команду. Джим перевернул вырезку и нашел другое имя. Ткнул в него пальцем.

Первый шаг.

Будет легко. Как в шахматной партии, в которой он продумал все ходы. Слегка изменить личность, подделать документы, получить правильные рекомендации. Самое главное – знакомство. Но по сравнению со всем остальным, это самая легкая часть.

Немного насилия для начала. Маленькое убийство, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки.

Кэди покачал головой. *Боже*, какие же люди тупые.

Он постучал пальцем по стойке. Появилось еще виски, а потом исчезло.

Джим встал, закрыл блокнот, бросил двадцать баксов. Ве-

роятно, счет вышел побольше, но с него не брали плату. Двадцатка – это всего лишь чаевые.

– Уходишь? – спросил из-за стойки беложопый длинноволосый бабуин в огромных очках. Но здесь его все называли Адольф.

– Да. Пойду наверх, переоденусь, а потом выйду. Пойду к твоему брату.

Адольф кивнул и рассеянно наблюдал, как его единственный клиент выходит за дверь и направляется к лестнице, ведущей в маленькую квартирку на втором этаже. О которой он не говорил. Никому. Никогда.

– Удачи.

Кэди кивнул, закрывая дверь. Душная жара Сан-Диего ударила в лицо, когда он ступил на тротуар. Он натянуто улыбнулся, отлично понимая, что удача тут ни при чем.

– Генри, сынок, ты меня слышишь?

Генри слышал. Голос папы.

Папа вернулся.

У него болело горло, и он смертельно устал, но он был рад тому, что трубку вытащили, и теперь он мог пососать кусочки холодного льда.

Вскоре после того, как он проснулся, многих анализов, ряда вопросов, а потом новых анализов, Генри устал и снова заснул. Однако на этот раз это сон был другим. *Нормальным*, с картинками из подсознания, а не с теми, что затрагивали его бессмертную душу.

– Генри? – снова повторил папа, но мальчик, потерявшись в тех снах, не мог ответить. Сон его не отпускал.

Издалека к нему бежала собака, и ему ужасно хотелось ее погладить. Когда та подошла ближе, он заметил, что у собаки текут слюни. Длинные струйки белой пены капали из открытого рта, как тонкие змеи. Оскаленные зубы были похожи не на игривую улыбку, а на голодное рычание. На *злую* улыбку. Генри протянул руку, в глубине души зная, что собака ее укусит, но все еще не в силах остановиться.

За собакой Генри увидел зеленый горизонт. Сотни деревьев. Лес.

И что-то еще. То, что скрывалось в тени высоких дере-

вьев, то, что злило собаку, заставляло ее хотеть *убивать*. И все же Генри протягивал руку, его пальцы дрожали в предвкушении острой боли. Он услышал смех из-за деревьев, воздух вокруг него затрясся, а затем существо, смеющееся из тени, каким-то образом *превратилось* в собаку, и тогда она прыгнула.

Генри успел разглядеть, что у собаки желтые глаза, затем ее зубы вытянулись и отделились от собачьей головы, превратившись в ветви, что тянулись к нему по воздуху, как искривленные корни. Длинные темные пальцы обвились вокруг руки Генри, его предплечья, он все тянул, но никак не мог высвободиться. Похожие на веревки усики пробили кожу, обвились вокруг кости, впились в шею и поползли по горлу, прокололи небо, язык, щеки. Он попытался закричать...

– Генри?

Генри открыл глаза.

Он был в больничной палате. Папа стоял рядом с ним.

– Папочка? – сказал Генри и потянулся к знакомому лицу у своей кровати, приложил ладонь к заросшей щетиной щеке. Мальчик замер, кончики пальцев застыли на лице мужчины, пока Генри медленно вспоминал.

Папа крепко меня сжимал, рев автобуса, гудящие машины, крики, полет...

Лицо под маленькими пальцами изменялось в соответствии с тем, как прояснялось зрение, дымка сна растворялась, уступая место четким линиям реальности. Генри убрал

руку, отдернул словно от огня. Это не было лицо его папы. Это был дядя Дэйв. У его кровати сидел дядя, потому что папа... папа...

— Где мой папа? — спросил Генри сиплым шепотом, горло все еще болело.

Дядя Дэйв повернулся, чтобы посмотреть на женщину, сидящую в ногах кровати. Генри проследил за его взглядом и узнал тетю Мэри. Она попыталась успокаивающе улыбнуться, но Генри показалось, что у нее вышло не очень.

— Генри, нам о многом нужно поговорить, — сказал дядя Дэйв. — Хорошая новость в том, что у тебя все очень хорошо. Дыхательную трубку вынули, ты восстанавливаешься. Врач говорит, худшее позади. Ты... ты очнулся почти неделю назад, и тебе еще придется тут задержаться, пока ты не станешь сильнее. Но мне кажется, пора нам поговорить о том, что произошло. Как тебе? Хочешь все обсудить?

Дэйв ждал ответа, но Генри мог только на него смотреть, пока его нижняя губа дрожала. Дэйв прокашлялся и продолжил.

— Многое из этого будет для тебя тяжело, и мы не будем торопиться, ладно?

Генри на мгновение задумался, и по его коже поползли мурашки. В его желудке будто кололись сосульки, и потом этот лед вышел наружу, на груди, руках, ногах и шее. Он зажмурился, когда почувствовал слезы, которые потекли по вискам.

Генри понимал, о чем хочет поговорить дядя Дэйв. Папы больше нет, как и мамы. Мальчик не открывал глаз, будто тьма могла защитить от боли, от правды одиночества. У него больше никого нет.

Бедный парень. Мой маленький мальчик. Будь ради него сильным.

Генри не хотел слышать дядю Дэйва, не хотел знать его мысли. В своем сознании он *видел* грусть, эту ужасную печаль. Цвета отчаяния исходили от него волнами – бледно-серые и грязно-желтые, – и Генри хотел, чтобы эти цвета исчезли, как и чувства. Дядя Дэйв был очень, очень грустным.

Какой ты грустный, дядя Дэйв. Пожалуйста, пожалуйста, не грусти.

Глаза Генри распахнулись, его страдание на мгновение сменилось детским удивлением, эликсиром сильного отвлечения.

Не понимая, как и почему, Генри осознал, смог придать смысл тому, что происходило с ним на прошлой неделе. Голосам, цветам.

Он мог видеть, о чем *думал* дядя Дэйв.

Не просто слова и размышления... а *чувства*. Как и медсестра, которая увидела, как он очнулся, и всех других, кто навещал его или был в других палатах и коридорах больницы.

Но это было сильнее, намного сильнее.

Генри думал, что это сумасшествие или бред, что ему все

еще плохо от травм после несчастного случая. Но теперь все обрело смысл – вся эта неразбериха последних нескольких дней сложилась в узор, в головоломку, от которой он нашел последний кусочек, и теперь картина была ясна. Генри вдруг осознал правду.

Но туман сомнения закрался в его мысли, затенив возбуждение. *Что это?* Он чувствовал себя скорее сбитым с толку, чем напуганным, не в силах избавиться от ощущения, что ведет себя плохо, делает то, чего делать нельзя. Что-то неестественное.

Что со мной не так?

Он отвернулся от дяди, прикрыл глаза сжатыми в кулаки руками, желая отгородиться, не видеть дядю Дэйва, цвета и все то, что было внутри него. Генри не хотел знать, о чем думают другие – он не просил об этом и ненавидел это. Потому что в тот момент он понял, что это плохо.

Очень, *очень* плохо.

– Генри? – Дядя Дэйв положил руку на кровать и сжал пальцы Генри своими. Кожа Дэйва была гладкой и сухой. Как мягкая наждачка.

Генри тяжело вздохнул. Он покачал головой, роняя слезы. Всхлипнул, желая отгородиться, *силясь* отгородиться. От всех – дяди Дэйва, медсестер, других пациентов. Всех и вся.

«*Ты не спрячешься, –* сказал голос в голове. Чужой, но знакомый. – *Лучше открыться и все принять. Ты больше не во тьме, сынок. Ты на свету*».

Генри сопротивлялся и снова потряс головой. Он чувствовал, как невидимый мир вокруг него – бешеный калейдоскоп красок, безумный хор мыслей – стучится в дверь разума, умоляя впустить.

«Разреши, Генри. Жизнь – это боль, мальчик, но у тебя есть дар. Ты ведь знаешь, что надо делать с подарками? Их открывают, сынок.

А теперь... откройся».

С опасением Генри так и сделал.

Он открылся и впустил мир.

Узел в его сознании развязался, и Генри словно открыл дверь, и все полилось внутрь. Он мог считывать, чувствовать. Каким-то образом, как именно, он, наверное, никогда не сможет понять, он все *видел*. Без особых усилий понимал бурлящие эмоции окружающих его людей – пациентов, врачей, медсестер и членов семьи – мог обернуть всю их боль, страх, ненависть или печаль во что-то понятное. Но среди всех давящих эмоций была и любовь. Так много любви. И в его палате, здесь, у кровати, она так и рвалась от дяди Дэйва и тети Мэри.

Все это текло в его голову так быстро! Но Генри понял, что все же может разбирать ощущения. Словно настроить радио и переключиться со станции, чтобы другая звучала более отчетливо. Хотя поначалу у мальчика заболела голова от того, что он сосредоточился так, как никогда в жизни, он осознал, что если сделает это *так*... То сможет себя контро-

лировать.

Осмелившись снова открыть глаза, чтобы добавить дополнительный уровень информации к тому, что уже и так было почему-то не только ошеломляющим, но и каким-то образом управляемым, Генри медленно повернулся к дяде Дэйву, ожидая, что лицо мужчины превратится в извивающиеся цветные пятна.

Но там было всего лишь лицо его дяди, усталое на вид и с грустной, понимающей улыбкой. Это было лицо человека, которого Генри знал и без сомнения очень сильно любил.

Мальчик позволил себе впитать это, вобрать эти тепло и защиту, исходившие от дяди, как цветок вбирает жизнь из солнца.

Это тепло – эта любовь – приносило ему далекое, недостижимое воспоминание. О том времени, когда он спал. Был в коме. Там с ним что-то случилось.

Кто-то вернулся с ним.

Генри не старался вспомнить. Он не хотел возвращаться. Никогда.

Поэтому он забыл, сжал руку дяди и с трудом улыбнулся.

– Так что, Генри? Поговорим? – мягко спросил Дэйв.

– Ладно, – ответил Генри.

Его дядя затаил дыхание и взглянул на жену. Затем он рассказал племяннику, своему крестнику, все, что нужно. Что он был в коме почти три недели. Что за это время многое произошло. Что теперь он будет жить с дядей Дэйвом и тетей

Мэри, и они будут заботиться о нем. Он сказал Генри, что ему больше никогда не придется беспокоиться о деньгах. Он будет защищен.

Что его папа мертв. Что его папу закопали в землю.

А потом они плакали вместе какое-то время.

Уилсону Тафферти надоели дети. Их снисходительные, неуважительные замечания, долгие, вызывающие взгляды, которые он ловил на себе, пока работал. Убирал их дерьмо.

Но в основном надоели их жвачки.

Если он увидит еще один застывший розовый кружок на бесконечном жвачном поле по ту сторону парты, заставит кого-то из этих засранцев его сожрать.

Они похожи на стадных животных, которые срут на всех и вся. Вандалы, не иначе. Уилсон точно знал, что этот говнюк Билл Хатнетт разбил окно в 230 кабинете. *Знал*. И хотел сказать что-то маленькому ублюдку, схватить за шкирку ветровки и вытрясти всю правду. Но нет, Уилсон поступил так, как должен был – сказал начальству. Разумеется, там того просто спросили: «Это ты разбил окно?»

И что парень мог ответить?

Да, конечно, это я. А что, я забыл прибежать и рассказать? Простите, но да, мэм, да, сэр, это правда я. Так забавно, я бросил в него бейсбольный мяч, и прикиньте, вся эта хрень так и пошла рябью, как сраная паутина Шарлотты.

Нет, он просто посмотрел на директора, мисс Терри, молоденькую девушку, от которой без ума все старшекласники (и некоторые учителя), округлил глаза и протянул: «Не-ет, мэм, это не я. Понятия не имею, как это случилось».

Когда парень вышел из офиса, Уилсон ждал рядом. Ждал, что лицо этого самодовольного поганца сморщится от слез, покраснеет и ему станет стыдно, и поделом. Но он не плакал. Он даже не испугался. Когда парень проходил мимо Уилсона, то *улыбнулся* ему. Не жестоко, даже не подло. А просто типа «привет, как дела, старый кусок дерьма». Будто ему было плевать, уборщик это или дворняжка, которая ждет, пока с ней поиграют. Уилсон подумал, что ему еще повезло, что эта дружелюбная скотина не дала ему по заднице, когда проходила мимо.

Да уж, ему определенно надоели дети. Но скоро наступит лето, Уилсона снова переведут на неполный рабочий день, и он поедет к сестре в Сакраменто. Скорее всего, на автобусе, устроит что-то типа отпуска. Заедет в тот чесночный городок или продегустирует вина в Напе. Черт, может, даже послушает Барбару и переедет туда жить – к ней, Роберту и детям. Сестренка была еще молодой, поэтому много работала, а у Роберта было больше денег, чем дети успевали тратить в игровых автоматах или в магазинах крутой одежды, которой потом хвастались. Разумеется, они все о нем позабываются. Там даже была для него комната, обставленная как мини-квартира.

Он может выйти на *пенсию*.

Черт, эта мысль нравилась ему все больше и больше. *Выйти. На. Пенсию*. Звучит шикарно.

Но потом он вспоминал, кто он и как себя ведет. И ко-

гда он приезжал на неделю или около того, то становился раздражительным. Даже нервным. Хотел что-то делать, работать, разбираться. Видимо, он все же не готов к пенсии. Уйти на пенсию – значит ничего не делать и не париться по этому поводу. А Уилсону такое быстро надоедало. К тому же, он был нужен школе. Он работал там двадцать три года. Дольше всех, за исключением той милой старой лесбиянки мисс Ауэрбах, учительницы английского. Она работала тут с 1950-х и с тех пор не останавливалась ни на секунду. Ему бы не хватало их перерывов с кофе, если бы он ушел на пенсию. А еще других учителей, с которыми он даже подружился. Например, учительницы испанского, мисс Ходж, и мисс Терри, они обе были очень милыми и красивыми. Особенно мисс Терри.

Но уж по детям он скучать не станет. Черта с два. Как и по их жвачкам, мерзким взглядам и еще более мерзким граффити. Нет уж. Ни капли.

Уилсон поднял глаза и с удивлением понял, что почти дошел до дома. Он ходил пешком в школу и обратно, почти два километра, дважды в день, каждый будний день уже двадцать три года. Он даже удивился, что на тротуаре не появилась протоптанная канавка. Боже, да он прошел бы там даже с завязанными глазами, не замедлив шага и не ударившись.

Ну, дома будет хорошо. Уже пятница, а это значит, что завтра можно поспать подольше, по крайней мере, пока Фикс не разбудит его и не потребует еды. Эта чертова кошка уме-

ла открывать шкафы и окна, поднимать сиденье унитаза и делать свои дела в коробочке размером с оксфордский словарь, но дурочка не смогла бы себя прокормить, даже если бы от этого зависела ее жизнь. Уилсон был уверен, что старушка жила с ним исключительно по этой причине. Так сказать, терпела его.

Уилсон рассмеялся про себя. Боже, он превращался в старпера. А ему осталось еще добрых несколько лет до семидесяти. *«Ты слишком молод, чтобы так противно врать»*,— подумал он. Что ж, дома он покормит свою старую кошку, а потом приготовит себе что-нибудь, глотнет капельку «Амаретто», которое мисс Ходж подарила ему на Рождество. Уилсон так смаковал и берег его, будто это сам божественный эликсир, хотя по большому счету, так оно и было. Определенно.

Он снял с пояса тяжелую связку ключей и отпер дверь в вестибюль небольшого двенадцатиэтажного здания, почти такого же обветшалого и старого, как он сам, и направился к лестнице; даже в таком возрасте он не позволял себе ездить на лифте на один этаж. Мужчина подумал о теплом алкоголе в шкафчике и улыбнулся. Лица Билла Хартнетта и всех других паршивцев исчезали с каждой ступенькой, по которой он поднимался в свою квартиру на втором этаже.

Когда Уилсон завернул за угол и ступил на этаж, то замер. *«Странно,— подумал он,— почему нигде не горит свет?»*

Время шло к семи, солнце уже садилось за Тихий океан,

но окно в коридоре выходило на восток, так что туда почти не проникал свет. Все лампочки дневного света – как ни странно – были выключены. Уилсон знал, что в коридоре не было выключателя. А еще то, что свет включался по таймеру, который весь год стоял ровно на 5 часах вечера. Лампочки включались в 17:00, а выключались в 9:00, и так было каждый день, что он тут прожил. Но теперь все они по совершенно непонятной ему причине были отключены.

Он вытянул шею в сторону третьего этажа и увидел, что свет из холла наверху льется на лестничную клетку. Затем посмотрел вниз, на первый этаж, к шестидесяти семи годам уже не доверяя собственной памяти, и увидел, что да, там тоже ярко горел свет. Так что с электроэнергией все нормально. Нет, только *его* этаж не горел. *Его* этаж, а еще трех других людей и семей, и все они остались без света.

– Хм, – прохрипел Уилсон, подумывая вернуться и позволить управляющему. Но было поздно, у него был тяжелый день, и он буквально ощущал вкус «Амаретто» на сухом языке. Черт, если он мог пройти от школы «Либерти» до дома с завязанными глазами по оживленным улочкам через все препятствия, то он уж точно дойдет пятьдесят шагов до конца коридора к восьмой квартире. Да уж, а как же иначе. Свет подождет. Пусть уборщик в его голове заткнется, потому что не-уборщик хотел включить телевизор, вытянуть ноги, погладить кошку и глотнуть вкусенького. Точно, пора-таки дойти до дома.

Уилсон небрежно махнул рукой, давая вселенной понять, что она может развлекаться сама с собой как ей угодно, и направился по темному коридору к восьмой квартире.

В паре шагов от двери он снова взял массивную связку ключей, потянул толстый круг из металла на выдвижном шнурке из зажима на поясе и начал искать нужный ключ подушечками обветренных пальцев.

«*Но, Господи, как же темно*»,— подумал он и почувствовал, как волосы у него на затылке встают дыбом. Поругал себя за страх, но ему никогда не нравилась темнота, а еще ходить по...

У него за спиной что-то скрипнуло.

Он повернулся с открытым ртом и широко распахнутыми глазами. Волосы на шее теперь стояли по стойке смирно и отдавали честь, а ползущие по рукам мурашки маршировали в такт звуку, который издавали его истрепанные нервы.

— Наверное, тот чертов кот,— пробормотал Уилсон, имея в виду толстого оранжевого полосатого кота Уиллоуби, которого они с Фикс так не любили. Ни капельки.— Беги давай,— попытался он сказать твердым голосом. Как будто он *контролирует* ситуацию.

Но его голос был словно мертвым отголоском в пустом коридоре.

Из окна в дальнем конце, за лестницей, было видно, как день становится сливового оттенка, и теперь даже сама лестница стала размытой полутенью в конце длинного темного

туннеля.

– Хрень какая, вот что,— сказал Уилсон и повернулся к своей двери. Теперь он двигался быстрее, снова вытащил ключи из-за пояса. Его пальцы стали влажными, и тяжелое металлическое кольцо соскользнуло и уехало обратно, хлопнув по костлявому бедру.

– *Черт* возьми,— сказал он громче, чем намеревался, слыша первые ноты страха, первый холодок на позвоночнике, острые ногти на концах сильных пальцев, ползущие, как паук, по задней части шеи.

Пошарив, он снова выдернул ключи.

Вот! Снова этот звук.

Но на этот раз Уилсон не повернулся; он нащупал нужный ключ и вытащил его, как фокусник – туз из толстой колоды. Аккуратно вставил его в засов, повернул, затем вытащил и воткнул в ручку снизу. После поворота ручки и толчка дверь распахнулась, и Уилсон почти запрыгнул внутрь, захлопнув за собой дверь и задвинув засов.

Что-то схватило его за ногу.

Он дернулся, закричав: «А-а-а!». Потом повернулся так резко, что почувствовал, как что-то хрустнуло у него в спине. Он толкнул плечом дверь и включил свет, молясь: «*О боже правый, пожалуйста, пусть свет зажжется*».

Так и случилось.

– Будь я дважды проклят, Фикс! – рявкнул Уилсон, уставившись вниз на то, что тянулось к его ноге в темноте; серд-

це бешено колотилось в тощей груди.— Черт, кошка, я чуть не умер.

Фикс, которой не терпелось увидеть мужчину с едой, невинно сидела на кухонном линолеуме, на несколько метров дальше от ботинка, который так грубо ее отпихнул. Фикс старательно вылизывала переднюю лапу, прикрыв глаза — ей было абсолютно насрать, что она напугала своего старого доброго Уилсона.

Он чувствовал, как кровь стучала в висках, и понял, что не дышит. Он выдохнул, и воздух покинул легкие с тихим сипом. Грудь расслабилась, сердце замедлилось, а тело перестало быть в напряжении.

Он отстегнул связку ключей от пояса и бесцеремонно бросил толстый комок металла на кухонный стол. Затем наклонился и погладил Фикс по голове. Сиамка, как будто только сейчас соизволив признать старика, посмотрела на него красивыми голубыми глазами, несколько раз мяукнула, потом поднялась и проделала несколько восьмерок у него между ног. Универсальный знак того, что пришло время покушать, и если не будет медлить, то проблем не будет.

— Ладно-ладно, дружок,— сказал Уилсон и направился на кухню, чтобы достать банку паштета из тунца и индейки.— Сначала ты, потом я. Всё как всегда,— продолжил он, улыбаясь и открывая шкаф.

Когда он обернулся, улыбка сползла с его лица, как наковальня, соскользнувшая с выступа высокой скалы.

У него на кухне стоял мужчина.

«Наверное, он был в спальне»,— рассеянно подумал Уилсон, пока его разум силился осознать всю странность и опасность ситуации.

Но потом мозг справился.

— Что! — крикнул Уилсон и уронил банку на пол. Фикс зашипела, но здоровяк между ним и входной дверью даже не дернулся.— Что вам надо?! — заорал Уилсон трясущимся голосом.

Мужчина был одет в черные джинсы и плотную черную куртку. На голове у него была лыжная маска. «Прямо как в кино»,— подумал Уилсон. А потом заметил большой ржавый разводной ключ в гигантском мужском кулаке в черной перчатке.

— У меня вообще нет денег! — выплюнул Уилсон, гадая, должен ли он что-то делать, например, достать нож из ящика, позвать на помощь, драться или умолять. Но вместо этого он лишь сказал: — У меня нет хреновых денег!

— Знаю,— сказал амбал, его голос был низким и приглушенным из-за маски.— У тебя ни хрена нет. Я проверил.

Уилсон на секунду задумался. *Он проверил? И ничего не нашел.* Но все равно остался, так ведь? Ждал. Пока старый, никчемный Уилсон вернется домой. Потому что искал именно Уилсона. Потому что, по какой бы то ни было причине, этот человек пришел именно за Уилсоном.

Уилсон почувствовал, как желание дать отпор пропадает,

как страх просачивается из его внутренностей и выливается на пол. Он опустил голову.

— Почему именно я, сынок? — спросил он, качая головой, его дрожащие руки водили по столу.— Я ведь никто,— добавил он слабым голосом.— Всего лишь хренов уборщик.

Здоровяк подошел на шаг ближе. Фикс снова зашипела на незваного гостя, ее шерсть встала дыбом, а хвост стоял прямо, как жезл.

— Я знаю,— ответил амбал почти извиняющимся тоном. А затем прыгнул вперед. Фикс мяукнула и выбежала из комнаты. Уилсон поднял руки в жалкой попытке защититься.

Здоровяк взмахнул ключом, прочертив в воздухе сверкающую черную дугу, и с громким стуком разможил Уилсону лоб. Ноги Уилсона подкосились, и он упал на линолеум, как мешок с дохлыми щенками. Сияясь остаться в сознании, он почувствовал, как его оттащили от места падения и уложили плашмя на спину на кухонном полу, как жертву какого-то ритуала. Амбал стоял над ним, расставив ноги по обе стороны от груди худощавого старика, будто собирался помочиться на обветренное, помятое лицо Уилсона.

Уилсон застонал, понимая, что видит только одним глазом. *«Наверное, это повреждение мозга»*,— бесполезно подумал он.

Старик услышал мурлыканье и почувствовал теплый мех Фикс рядом со своей разбитой головой. Кошка свернулась калачиком у его уха, словно они собирались хорошенько по-

спать, уютно устроившись на его провисшей двуспальной кровати. *«Мне так жаль, дружок»*,— подумал он и повернул один глаз в сторону незнакомца.

— Хорошая кошка,— сказал Кэди, а потом снял маску, обнажив ухмыляющуюся, сияющую черную морду.— Я не стану ее убивать. Как тебе такое?

Уилсон решил, что это хорошая сделка, учитывая, что он не в состоянии вести переговоры. Он хотел кивнуть или, может, пожать убийце руку? Сказать: *«Да-да, договорились, так и сделаем, класс»*. Но все рациональные мысли вылетели у него из головы, когда здоровяк снова поднял массивный гаечный ключ и обрушил на череп старика.

Уилсон почувствовал удар, услышал выстрел пистолета, увидел вспышку ослепляющего белого света, а затем... ничего.

К счастью для Уилсона, ему не пришлось смотреть ни на уродливые куски своего проломленного черепа, ни на красную лужу крови и мозгов, которая покрывала половину грязного белого линолеума на кухонном полу.

Прошел день, и Фикс начала есть сырое мясо, другой еды все равно не было. И старина Уилсон тоже был бы еще как рад, что ему не пришлось на это смотреть.

Да уж, еще как рад.

Часть вторая: Ночные посетители

1

Когда они вошли в кабинет врача, Дэйв почувствовал пристальный взгляд Мэри.

Прошло полгода с тех пор, как доктора Ре Хамаду назначили оказывать Генри психиатрическую помощь, и Генри делал большие успехи. Он медленно начинал воспринимать окружающий мир. Новый мир. И хотя у Генри были необычные проблемы, все заметили, что ему становилось лучше с тех пор, как начались сеансы с Хамадой раз в две недели.

Когда он переехал к Дэйву и Мэри (после двух изнурительных месяцев стационарной реабилитации, за которые Генри почти полностью восстановился физически, а также дал дяде с тетей возможность прийти к осознанию родительства), опекуны Генри обнаружили в ребенке нечто... *уникальное*. Выявили странную силу внутри мальчика, о которой новоиспеченные родители могли только догадываться, перешептываясь в темноте своей спальни и обсуждая тайну, в которую превратился Генри. Они пользовались словами вроде «особенный» и «одаренный», хотя совершенно не понимали, что всё это значит – как для самого Генри, так и для их семьи.

Дэйв знал, что у Хамады был опыт работы со всеми типами известных аномалий мозга. Изучал пациентов как с физическими, так и с химическими расстройствами – даже жертв насилия. Дэйв не сомневался, что Хамада хорошо разбирался в пациентах с сильными травмами, а также в том, что в какой-то момент тот увлекся некоторыми второстепенными науками о психике.

Но в чем он *сомневался* – и даже очень сильно, – так это в том, что этот добрый доктор когда-либо видел что-либо похожее на Генри. И хоть Хамада никогда не говорил о «даре» Генри, Дэйв полагал, что сегодня это изменится. Он ценил осторожность доктора, но ему не терпелось узнать профессиональное мнение о том, что происходит с мальчиком, услышать теорию о призраке, бродящем по коридорам разума Генри, который проник в мысли Дэйва и Мэри и жил с ними последние полгода.

Хамада закрыл дверь кабинета, когда Дэйв и Мэри опустились на большую кушетку в другом конце комнаты от минималистичного стола, прислоненного к увешанной дипломами стене.

– Мистер и миссис Торн, я так рад, что вы пришли, – сказал Хамада, присев на краешек жесткого кожаного кресла рядом с диваном. Его седые волосы были коротко подстрижены, льняной костюм отутюжен, но свободно сидел на худощавом теле. – Я решил, пришло время поговорить нам с глазу на глаз о прогрессе Генри. Пожалуйста, помните, что

вы можете рассказать всё Генри, если захотите. Очень важно общаться друг с другом открыто. Думаю, Генри это пойдет на пользу.

Дэйв ничего не сказал, он не любил тянуть кота за яйца, как говаривала его мать. Мэри стряхнула невидимую пылинку со своей идеально отглаженной юбки, ее спина была напряжена, а лицо непроницаемо.

Хамада продолжил:

– Мы добились большого прогресса, и можно с уверенностью сказать, что Генри – особенный. Тем не менее, я подумал, будет разумно обсудить его... – Хамада нервно рассмеялся, покачивая головой, – то, что делает Генри уникальным. То, о чем вы, наверное, уже знаете.

Дэйв чувствовал, что Мэри готова вмешаться, и надеялся, что она не станет кричать. Ее забота о Генри – материнский инстинкт защищать – оказалась необузданной. Однако Дэйв любил ее за это. Она стала замечательной матерью, когда у нее появился шанс.

– Мы ничего не знаем, доктор, – сказала она. – Он всего лишь маленький мальчик. Ребенок. Надо быть осторожными. Вы не согласны?

– Конечно, миссис Торн, – ответил Хамада. – Мы все хотим для Генри лучшего. Поэтому я и хотел обсудить с вами его...

Врач ненадолго замялся.

– Назовем это даром, – решил он наконец так, словно скидывал камень с плеч. – В любом случае, так вы намного легче

воспримете то, что я вам покажу.

– Покажете? – поднял глаза Дэйв.

– Да. Если позволите.

Хамада встал, обошел кофейный столик и направился к большому дубовому шкафу. Он открыл дверцы, чтобы все увидели телевизор, видеопроектор и небольшую стопку подписанных кассет. Хамада включил телевизор и вставил кассету в аппарат. Потом взял маленький пульт, нажал на кнопку и отошел в сторону. Экран ожил, показав полосу свернутого белого света, затем появились помехи.

– Секундочку... Вот и все.

Дэйв увидел тот же диван, на котором сидел, вот только на экране там были не он с Мэри, а Генри. Хамада на видео отошел и сел, в камеру попадал лишь верхний кусочек его головы.

– Ну что, Генри, – сказала та версия доктора. – Готов?

* * *

Генри здесь нравилось.

Ему нравилось с кем-то говорить, с тем, кто не считает его странным или ненормальным, как некоторые дети в школе. Ничего, что он другой. Зато он знал, что умный, и учеба давалась ему легче, чем другим детям его возраста. Но в школе смеялись над всеми, кто чего-то добивался умом. Синди Векслер любила показывать на него пальцем на перемене,

хихикать со своими друзьями и повторять: «Ой, а кто у нас умник! Ой, а кто у нас умник!»

Генри жаждал в жизни только одного: признания. Он хотел, чтобы таких детей, как он, было больше – которых не забавил спорт, внешний вид и крутая одежда; которым нравились физика и история, которым правда нравилось учиться, расширять границы мира, раскрывать его секреты и загадки. Генри считал вселенную запертым ящиком с тяжелой крышкой, которую он отчаянно хотел открыть. Его ужасно бесило то, что эти любопытство и интеллект делали его другим. То, что он был слишком маленьким, чтобы противостоять хулиганам, слишком застенчивым, чтобы заводить новых друзей. Может, даже слишком сломанным своим прошлым.

Наблюдая за Хамадой, Генри снова сосредоточился. Опять карточки. Ну да, сегодня же вторник.

А вторник – это тесты.

Ожидая, когда Хамада начнет, он вытер нос и слегка постучал пятками по передней части дивана. Генри нервничал, ему хотелось быстрее приступить к делу. Он знал, как сильно эти тесты волновали доктора, но Генри они жутко надоели. Для него они не были чем-то особенным. Это же легкотня. Лучше говорить о чем-то другом, например, о дяде Дэйве и тете Мэри или о детях в школе. О том, как ему быть нормальным. Приемлемым.

– Ну, Генри, ты готов? – спросил доктор Хамада, аккуратно разложив карточки на коленях, вечный блокнот лежал

рядом открытым, а красная лампочка камеры на штативе в углу не мигала.

Генри кивнул.

– Хорошо, – сказал Хамада, – тогда начнем.

Генри представил, как глаз в его мозгу – тот, что *вырос* там, пока он спал, – медленно открывается.

Он практически чувствовал, как поднимается тонкое серое веко, раскрывая черный глаз под ним. Его грудь напряглась, но не до боли, и в него полилась информация из сознания доктора – звуки, видения, мысли.

Цвета.

Генри дал черному глазу сфокусироваться на самых ярких цветах, на тех, которые содержали истории и мысли, а остальным позволил превратиться в мягкую статику тускло-коричневых и нежно-серых тонов. Теперь он делал это подсознательно, без усилий. Пока его настоящие глаза сфокусировались на полуоткрытых вертикальных жалюзи на окне, что прикрывали яркий дневной свет, льющийся снаружи, его широко открытый новый глаз уставился на доктора.

Хамада поднял карточку, держа ее наготове перед своей грудью. Сторона, обращенная к Генри, была совершенно пустой, а на другой был нанесен какой-нибудь ярко-синий контур. Генри должен был угадать, что это за контур. Однако он не гадал; он видел его так ясно, как если бы сам держал в руках карточку.

– Звезда, – сказал Генри и вздохнул, изо всех сил стараясь

не показывать своей скуки, чтобы доктор не обиделся.

Хамада молча опустил карточку и взял другую.

– Круг, – на автомате ответил Генри.

Хамада убрал круг, взял что-то другое.

Теперь Генри смотрел на Хамаду внимательнее. *«Этой я еще не видел»*. Может, доктор так пытался сделать тест сложнее? Генри чуть не захихикал от этой мысли. *«Если бы он только знал, как это легко»*. Генри нашел описание изображения.

– Закорючки? – спросил мальчик.

– Правильно, – ответил Хамада лишь секунду заколебавшись. – Я только недавно добавил эту карточку.

Генри кивнул и позволил себе слабо улыбнуться, подбодрив Хамаду.

– Генри, когда я снова возьму эту карточку, можешь, пожалуйста, назвать ее волной? Чтобы мы оба понимали, о чем ты.

– Хорошо, – ответил Генри.

Хамада благодарно улыбнулся и продолжил, поднимая карточки одну за другой, а Генри отвечал скучным монотонным голосом, словно повторял простые числа в сотый раз.

– Прямоугольник. Круг. Знак плюс. Круг. Круг. Э-э, волна. Звезда. Круг. Звезда. Волна...

Пока отвечал, мальчик смотрел в окно, на свои дрыгающиеся ноги, на потолок. Только один раз его взгляд метнулся к Хамаде, и то лишь для того, чтобы найти на лице врача

удовольствие, а может, и гордость.

К радости Генри так и было.

Видео остановилось.

* * *

— Эти карточки прислал мне коллега из Колумбии,— сказал Хамада, отвечая на невысказанный вопрос.— Их называют картами Зенера, в честь доктора Карла Зенера, известного исследователя ясновидения.

— Что, простите? Ясновидения? — спросила Мэри.

— Изучение парапсихологических явлений. Также вам должны быть известны термины «паранормальные явления» и «телепатия».

— Как у ясновидящих по телевизору? — фыркнула Мэри.— Вы считаете, что после комы у Генри появилось... что? Особые силы? Генри теперь предсказывает будущее?

— Нет-нет, все совсем не так,— спокойно ответил Хамада.— Вы говорите об экстрасенсорности. Это способность видеть то, что нельзя увидеть органами чувств. Но мне кажется, что способности Генри больше походят на телепатию. Если говорить проще, он читает мысли. Например, карты Зенера. Генри не *видит* эти карты, он видит, как их вижу я.

— И все же, доктор,— сказала Мэри, и Дэйв услышал, как ее голос дрожит от эмоций,— я ценю ваш энтузиазм. Но, если честно, мы платим вам не за эксперименты над ребенком.

Хамада сузил глаза. Он наклонился вперед, сжав руки на коленях в кулаки.

«*Полегче, доктор,*— подумал Дэйв, иронично про себя ухмыльнувшись,— *теперь нельзя давить*». Он подумывал вмешаться, бросить Хамаде спасательный круг, потому что *правда* хотел услышать его мнение. А также он знал, что Мэри уважала людей, которые отстаивают свою точку зрения.

До определенной степени.

— Миссис Торн, эта терапия крайне важна,— сказал Хамада, оставаясь спокойным, на счастье Дэйва.— Она поможет мальчику понять, на что он способен, а сейчас он *не* понимает. Как и вы. Даже я едва могу это осмыслить. Если Генри осмыслит свои способности, ему станет проще жить. Он не будет думать о своем даре как о чем-то *плохом*, иначе ребенок может раздражаться или, что еще хуже, замыкаться в себе. Возможно, даже не любить себя. Очевидно, он особенный, но ему нужно понять свою уникальность, а не бояться ее.

Мэри открыла рот, чтобы ответить, но Дэйв вмешался.

— Доктор Хамада, насколько редок, насколько *уникален* дар Генри? Ведь, как и сказала Мэри, многие заявляют, что имеют такие способности.

— Верно,— сказал Хамада,— но лишь единицы из них проходили тесты под присмотром профессионалов, что смотрели на них через научную призму.

— В смысле, над ними не экспериментировали? — проям-

лила Мэри.

– Да, именно так.— Хамада подошел к столу, взял тонкий черный блокнот и отдал Дэйву.— Прощу.

Сбитый с толку, Дэйв открыл блокнот на первой странице. Он увидел имя Генри над чередой дат в шахматном порядке в левой колонке. Средняя колонка представляла собой аккуратный вертикальный ряд с цифрой 25. А рядом – такой же ряд из чисел 25.

– Что это? – спросил мужчина.

– Это результаты каждого теста, который я давал Генри с использованием карт Зенера, а также некоторые заметки других небольших, несущественных экспериментов. Здесь, на первой странице, можно увидеть, что он...

– На все ответил верно,— закончила Мэри, глядя поверх руки Дэйва.

– Да, двадцать пять из двадцати пяти, в те первые разы. Я не просто так об этом говорю, уж поверьте. Пожалуйста, просмотрите страницы.

Дэйв начал листать. Месяцы тестов. Даты были разными, но столбцы оставались прежними.

Все одинаковые. Везде 25. Дэйв тихо присвистнул.

– У Генри стопроцентный результат в каждом тесте, который я ему давал. Их уже были десятки, в течение многих недель,— Хамада наклонился вперед, понизив голос.— Средний исторический балл,— а мы говорим о десятках тысяч тестов, даже с теми испытуемыми, которых называют чрезвычайными.

чайно одаренными, и их проверяли именно по этой системе,— составляет менее *десяти процентов*.

Дэйв поднял взгляд, и даже Мэри казалась пораженной.

— Так что отвечу на ваш вопрос, мистер Торн. Дар Генри, его сила и точность, невероятно уникален. На сегодняшний день о таком еще никто не слышал.

Дэйв посмотрел на Мэри и заметил, что ее скептицизм медленно рассеивается. «*Хорошо*,— подумал Дэйв и немного расслабился.— *Если мы хотим сделать как лучше, надо поверить*».

— А теперь позвольте показать последнюю запись,— сказал Хамада. Он подошел к шкафу и вставил в проигрыватель вторую кассету.— Обычно я не делюсь ни с кем личной информацией,— тихо продолжил он,— но сегодня я сделаю исключение.

— Личной? — переспросила Мэри.

Грустно улыбнувшись, Хамада нажал на «плей».

* * *

Генри больше не хотел играть в эту игру. Он устал, ему было скучно.

Часть его, можно сказать, плохая часть, которая ему не очень нравилась, хотела сжульничать. Назвать неправильный ответ на карточку, да на *все* карточки! Тогда им больше не придется играть в эту игру, и они вернутся к разговорам

о мыслях и чувствах Генри, а не сидеть и разглядывать дурацкие фигуры на дурацком...

— Генри,— позвал Хамада,— ты готов?

Внимание Генри снова переключилось на врача. «Еще один раз,— сказал он себе.—Один раз я посмотрю на карточки, а потом мы еще немного поговорим. Он обещал».

Генри кивнул.

— Отлично. Поехали,— Хамада поднял карточку.

Прошла секунда. Потом еще одна. Генри ждал, когда появится изображение, как это и всегда бывало. Но что-то... *блокировало* его. Мешало. Он ничего не видел. Генри посмотрел на доктора, сосредоточился, полностью открыл внутренний глаз... Но там была стена мыслей — цветов,— которую он не мог обойти. Темно-зеленый туман, похожий на гороховый суп, окутал Генри, как плотное, непрозрачное облако.

Там было что-то еще, что-то глубокое, как слабо освещенный дорожный знак в густом тумане.

Имя.

— Доктор Хамада,— спросил Генри.— Кто такой Франклин? Хамада опустил карточку и тяжело сглотнул.

— Что, прости?

— Вы думаете о человеке по имени Франклин. Очень, очень сильно,— сказал Генри, широко раскрыв глаза в притворном раздражении.

Доктор опустил карточку и на мгновение закрыл глаза.

Когда они снова открылись, Хамада отвернулся от Генри к дальней стене, будто взгляд в сторону мог помешать Генри видеть.

Генри встал и подошел к доктору. Да, он все видел. Горчично-желтые, темно-зеленые, завитки черного отчаяния, окрашенные проблесками розового изумления. Франклин был человеком, которого любил доктор, и этот человек ушел. Была ссора.

– Вам грустно, да?

Тонкая слеза скатилась по щеке Хамады. Его удивленный взгляд снова метнулся к Генри, и он пораженно кивнул. Генри протянул руку и легонько похлопал врача по колену, детское лицо озарилось улыбкой. Затем он обвил маленькими ручками шею изумленного врача и прижал его к себе.

Хамада поставил запись на паузу.

* * *

Дэйв медленно осознавал то, что видел. Что все это значило.

– Франклин? – спросил он.

Хамада печально улыбнулся.

– Он много лет был моим партнером. Мы решили прекратить отношения в ночь перед моим сеансом с Генри. Я собирался устроить Генри обычный тест, но мои чувства... видимо, они перекрывали мысли. Я смотрел на карточки, но мой

разум их не видел. Для Генри это, возможно, было все равно что пытаться увидеть луну сквозь тяжелые черные тучи, заволакивающие ночное небо и закрывающие ему обзор.

– Я не... – начала Мэри.

– Думаю, – перебил Хамада, взвешивая свои слова, – что Генри *чувствует* то, что чувствуют другие люди, видит их мысли. Представьте, как тогда выглядит его мир. Как душераздирающе. Как ошеломляюще. Как *сложно*. Его разум был вынужден как-то переводить все эти проекции, преобразовать необработанные данные во что-то понятное, что он может осмыслять. Тогда я узнал, что Генри использует цвета для перевода этой информации: черный обозначает ненависть, красный – гнев, и так далее. Удивительно, как быстро человеческий разум может адаптироваться или, в данном случае, эволюционировать.

Дэйв посмотрел на изображение на экране: Генри так широко раскрыл глаза, когда протянул руку, чтобы утешить этого человека. На его лице была невинная, любящая улыбка. «*Милый Генри*», – подумал он и почувствовал новую волну любви к мальчику.

– Как ему помочь, доктор? – спросил Дэйв и почувствовал, как Мэри сжала его руку. – Как защитить нашего сына?

Хамада откинулся на спинку стула и раскрыл ладони – этаким жест интеллектуального поражения.

– Все, что мы можем сделать, – поддерживать и любить его, помогать понять и принять, кто он такой и на что спо-

собен.— Врач наклонился вперед и уперся локтями в колени, нахмутив брови.— В конечном счете, Генри сам должен научиться защищаться. И в этом ему никто не сможет помочь. Но он умный мальчик, и если это поможет, если мои теории о его даре верны...

— Что? — спросила Мэри.

Хамада улыбнулся Мэри, но явно внимательно подбирал слова.

— Скажем так, я считаю, что Генри далеко не беззащитен.

Фред засунул ржавый молоток и дрель на батарейках в пояс для инструментов, разложил десятифутовую стремянку, чтобы добраться до трубы. Он остановился на предпоследней ступеньке, его рост легко позволял ему дотянуться до поврежденного участка, а также открывал вид на усыпанную гравием крышу.

Он увидел обрывки скотча, следы от ботинок и царапины после работы кровельщиков, но ничего такого, что нужно было в ремонте и о чем надо предупреждать администрацию школы. Всего лишь незначительный износ. А вот труба – совсем другое дело. Подъемник малярной бригады стоял слишком близко к стене, и один край предохранительной рейки зацепил желоб, сбив его с крепления и едва не разорвав металл надвое. Мисс Терри уверяла, что трубу можно починить и не покупать новую, поэтому Фред и задержался допоздна – занятия уже давно закончились, дети разъехались на автобусах по домам, и он уже сделал все остальные дела, – чтобы оценить ущерб.

Однако теперь, когда он поднялся наверх, Фред решил, что директор бредит. Ну, или переоценивает его способности. Металл оторвался, а крепления оставили страшные черные дыры в боковой обшивке. Ему понадобится водонепроницаемая шпатлевка, потом придется просверлить новые

опорные отверстия и проверить, сможет ли он закрепить желоб так, чтобы тот удерживал воду во время ливней. «*Черт бы все это побрал*»,— подумал Фред и уже хотел спуститься по стремянке, когда от металла справа от него отскочил первый камень.

Его глаза на мгновение сузились — *всего на мгновение*,— а затем расширились от страха. Он повернул голову и увидел их. Джима Хоукса, Тайлера Легга и старого доброго Томми Пэтчена. Большинство детей называли его Трущобным Томми¹ прямо в лицо, а другие (по крайней мере, те, что помладше) — за спиной. Он был высоким даже для семиклассника, и его длинные темные волосы спускались ниже плеч, легко сливаясь с любой черной футболкой, которую он носил. Сегодня, как заметил Фред, на футболке Томми была изображена пентаграмма, с каждого белого конца капала кровь, а вокруг всего этого красовалось неразборчивое название какой-то метал-группы. Казалось, в одной из грязных рук Томми было зажато еще несколько камней, а двое других парней лихорадочно ковыряли землю, прямо как курицы с рюкзаками, пытаясь нарыть побольше патронов.

— Томми,— почти невнятно промямлил Фред, будто его рот не мог правильно произносить слова.— Томми, н-н-не кидайся камнями. Я... — он сглотнул, стараясь внятно произнести каждое слово,— я всё передам мисс Терри. Вам даже

¹ В ориг. *Trailer Trash*. На севере Америки — обидное обозначение белых людей с низким доходом, обычно живущих в трейлер-парках.— *Прим. ред.*

нельзя здесь находиться, шк-к-кола за-за-закрота!

Лицо Томми засияло, его густые брови приподнялись, тусклые карие глаза расширились в комическом страхе, а бледные потрескавшиеся губы образовали букву «О» в притворном беспокойстве. Его обычный визгливый голос стал ниже, чтобы попытаться походить на Фреда, но выходило паршиво.

– Боже, тогда, наверное, мне лучше остановиться, да, Ф-Ф-Фред?

Не успел Фред ответить, как Томми запустил еще один камень, на этот раз размером с потертый мяч для гольфа, который попал Фреду прямо в локоть, отчего кожа и кость заныли под грубой тканью синего комбинезона. Фред заворчал, рефлекторно отвернулся и почувствовал, как стремянка под ним закачалась.

– Черт бы все это побрал, – пробормотал он себе под нос, закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

– Эй, дебил! – заорал Мусорный Томми прежним писклявым голосом. – Тут есть и свои плюсы. Если ты упадешь и ударишься головой, ничего не случится, потому что ты и так уже от-от-отсталый!

Томми расхохотался во весь голос, и вечно поддакивающие Джим и Тайлер присоединились к этому гоготу.

– Отсталый! – пискнул Джим Хоукс и заржал так, словно Томми изобразил расистскую версию Ленни Брюса².

² Леонард Альфред Шнайдер (1925—1966), носивший сценическое имя Ленни

Бам! Бум!

Еще два камня попали в желоб справа от Фреда, и мужчина отпрянул, почувствовав, что теряет равновесие. Он был на порядок выше шести футов и носил на себе двести пятьдесят с лишним фунтов мяса и мышц, и когда все это смещалось в одну сторону, даже на несколько дюймов, точка невозврата могла быть достигнута очень быстро. Одна рука рассеянно взмыла в воздух, пытаясь дотянуться до верха стремянки, а другая вслепую схватила водосточный желоб. Следующий камень ударил по краю лестницы, куда тянулась его рука, и зацепил кончик безымянного пальца с достаточной силой, чтобы вызвать вспышку боли и заставить Фреда вскрикнуть.левой рукой он ухватился за желоб, что спасло его от падения с высоты десяти футов на твердый бетон и, возможно, от настоящих увечий. Он потряс правой рукой, чтобы стряхнуть жжение, и резко повернул голову, чтобы смерить мальчиков свирепым взглядом.

К его удовольствию (и легкому беспокойству), трое мальчиков на мгновение показались ошеломленными. Даже ухмылка Томми дрогнула и немного сползла. Джим Хоукс опустил поднятую руку, в которой был крепко зажат камень, и стал вдруг похож на мальчика, готового описать и заплакать. Стал похож на ребенка.

«Полегче», — сказал себе Фред и расслабил лицо.

Брюс, — американский комик, известный своим резким, порой даже оскорбительным юмором. — *Прим. ред.*

– Лучше уходите,– сказал он, спускаясь на одну ступеньку,– или я расскажу о вас д-д-директору.

Томми повернулся и посмотрел на двух своих друзей. Теперь они все держали камни. *«Наверняка у каждого по три или четыре штуки в их потных белых ладошках»*,– подумал Фред, медленно опускаясь, чтобы не спровоцировать очередную «стрельбу».

И когда Томми снова повернул к нему свою прыщавую крысиную мордочку, Фред понял, что так не отделается. Он снова ухмылялся, как и двое других мальчиков. Ну прямо стая предпубертатных шакалов.

Так. Твою ж мать.

Фред бросился вниз по стремянке в тот же момент, когда обрушился первый шквал; услышал резкий треск ударов камней о металл лестницы и штукатурку стены. Что-то твердое ударило по основанию его гладкого черепа, на дюйм ниже правого уха, и в голове мелькнула белая вспышка.

– Тупой черный даун! – закричали Томми, и теперь Фред услышал в его голосе настоящую ненависть, а за ней безумный ужас, который прячется во всех убийцах – настоящих и будущих. Когда эта темная страсть высвобождается, она немного пугает, да-да, потому что тогда ты понимаешь, что ничего не контролируешь, что внутри разворачивается что-то живое и до поры скрытое, и оно проникает в конечности и в мозг, захватывает тебя целиком. Но еще страшнее становится, когда наступает *следующий* момент. Не тот мо-

мент, когда ты осознаешь, *что* скрывалось у тебя внутри, нет, а тот, когда ты понимаешь, что оно тебе *нравится*. Да, верно, Фред узнал этот мрачный голос, еще как. Трущобный Томми, можно сказать, был прирожденным убийцей, а это означало, что Фреда ждало нечто большее, чем небольшие неприятности.

– Достаньте этого ублюдка! – завизжал Томми, и Фред почувствовал, как врезаются камни в него, в стремянку, в стену; рядом разбилось окно мужской раздевалки. Фред спрыгнул с последней ступеньки, отбросил гордость и принял позор отступления взрослого мужчины перед тремя школьниками – он побежал.

Мальчики преследовали его по пятам, бросая новые камни; некоторые отскакивали от асфальта, по которому они бежали, некоторые попадали ему в спину. Один четкий выстрел шлепнул ему по заднице так сильно, что Фред аж подпрыгнул на бегу, морщась от боли. Связка ключей позвякивала на бедре, подсказывая ему безопасное место назначения. Надо лишь добежать до кладовки уборщика, Мануэль всегда хранит там рацию. Там можно запереться и позвать на помощь.

Он как раз на полной скорости завернул за угол, немного обогнав детей, и тут же чуть не сломал лодыжку, резко затормозив – с его весом это было непросто. В нескольких футах перед ним, прямо посреди открытой дорожки, стоял Генри Торн, глядя широко раскрытыми от страха глазами на

летающего на него великана.

Фред дернулся в сторону, чтобы не врезаться в мальчика, но потерял равновесие и рухнул на пол. Колени и ладони сильно ударились о бетон, пояс с инструментами порвался, и что-то – скорее всего, дрель с мини-приводом – хрустнуло со звуком, похожим на похоронный звон.

– Господи боже! – закричал Фред, рухнув на землю; голос его звучал громко и отчетливо. Он перевернулся, сел на задницу (ладони горели от прикосновений к дорожке) и уставился на ошеломленного мальчика.

Генри, казалось, оправился от страха столкновения и теперь смотрел на Фреда скорее с удивлением, чем со страхом, будто тот был метеоритом, упавшим из космоса на Землю, который так неудачно преградил Генри путь. Фред заметил, что Генри нес тяжелый учебник, а за его спиной виднелся черный рюкзак. *«Наверное, снова прятался в библиотеке»*, – подумал мужчина.

– Что ты здесь делаешь, сынок? – закричал Фред.

– Я забыл свой учебник, а потом мы с мистером Джеймсом говорили о моем научном проекте, – изложил Генри; его спокойное выражение лица нарушилось только тем, что он сузил глаза так, будто смотрел *внутрь* Фреда, а не *на* него. – Вы напуганы. И... *злитесь*.

Не успел он добавить что-то еще, как трое мальчиков выскочили из-за угла, и все они, спотыкаясь, замерли. «Наверное, если отпрыск дьявола ухмылялся, когда ему дали в ру-

ки первые вилы,— подумал Фред,— он ухмылялся примерно так же, как Томми Пэтчен, когда увидел маленького Генри, стоящего над упавшим Фредом, уже готовый швырнуть очередной камень».

— Будь я проклят,— сказал Томми практически с благоговением,— два слабоумных ниггера по цене одного.

Фред пропустил оскорбление мимо ушей, но почти засмеялся, когда вечный двоечник и невежа Трущобный Томми назвал Генри Торна «слабоумным». Конечно, возможно, Фреда Хастингса, умственно неполноценного уборщика, который работал в школе только благодаря государственной программе для инвалидов, и легко было так назвать, но десятилетний Генри был не только отличником, но и уже посещал занятия для продвинутых и занимался после уроков с двумя учителями, чтобы заложить основу для будущей стипендии. Фред знал о Генри все это — и еще кое-что. Он прочитал парочку отчетов школьного психолога, в которых описывались определенные потребности Генри. Школе сообщили о некоторых *проблемах*, когда Генри вернулся после длительного отсутствия — например, о том, что мальчик все еще был сильно травмирован инцидентом с его отцом и последующей комой. Что он был *чувствительным. Интровертом*. Он был склонен *скрывать эмоции*. Фред думал, что все это наверняка правда, и даже не вся. А еще он задумался, могут ли подавляемые отчаяние и гнев Генри однажды вырваться подобно стреле, которую установили и удерживали, а натя-

жение тетивы нарастало до тех пор, пока она не сорвалась и стрела не выскочила. Ракета с дьяволом на хвосте.

Да, Фред прочитал *всё* о Генри. В конце концов, позиция уборщика предполагала доступ туда, куда он был закрыт другим.

А еще он читал о Трущобном Томми. Знал, что его отец был бывшим заключенным, а мама уже стояла на учете. Еще один проступок, и у Томми будут новые школа и государственный дом – тот, в который детей отвозят после того, как заберут у родителей-дегенератов. Он даже знал о 123-Б Хикори-лейн – адрес вонючего трейлера, где жили Томми, его папаша-зэк и мамаша-шлюха. *«Может, Фред и слабоумный»,* – подумал великан, – *но уж точно не тупой».*

– Ай! – закричал Генри, и Фред выплыл из своих мыслей. Его взгляд метнулся к Генри, который потирал руку, по маленькой щеке текла слеза. Парни снова засмеялись, и Фред увидел, как они готовятся к очередному залпу. Полетел новый камень, на этот раз от Легга, и у Фреда было всего мгновение на осознание того, что этот снаряд – большой, зазубренный, размером с кулак – направляется прямо ему в лоб. Мелькнуло что-то темное – учебник Генри – и траектория полета камня была нарушена с глухим *бам*.

Их взгляды пересеклись, и в глазах Генри промелькнуло удовлетворение, которое быстро сменилось страхом. Мы по уши в дерьме, читалось в глазах Генри, и Фред был согласен.

«Ну уж нет», – подумал он.

Мужчина вскочил на ноги, и руки мальчиков, уже поднявшие камни, на мгновение замерли, пока те смотрели на гигантского уборщика и ждали, убежит ли он... или нападет.

Фред развел руками и сделал два быстрых шага по направлению к мальчикам.

– РРРАААРРР! – проревел он и на один радостный миг подумал, что малыш Хоукс правда обмочится. Тайлер Легг сразу же повернулся и побежал, а Томми же просто сделал один неуверенный шаг назад, подняв руку для броска.

Фред повернулся, подхватил Генри на руки так, словно тот был большим мешком с зерном, и бросился бежать.

– А ну назад! – заорал Томми то ли Фреду, то ли его перепуганным подхалимам; впрочем, Фреду было все равно. Он завернул за другой угол и схватил связку ключей свободной рукой. Его пальцы быстро нащупали нужный, когда он остановился перед синей металлической дверью с поцарапанной, потертой табличкой с надписью «ОБСЛУЖИВАНИЕ». Он вставил ключ в ручку, ловко повернул и рывком распахнул дверь.

Фред ворвался в комнату, быстро, но мягко поставил Генри на пол и закрыл за ними дверь. Генри сделал несколько шагов вглубь тесной темной комнатки, пока Фред прижимал ухо к двери.

Пока огромный уборщик прислушивался к нападавшим, Генри пытался восстановить дыхание. Через несколько мгновений он инстинктивно огляделся по сторонам. В кладовке уборщика он еще не бывал, поэтому с интересом изучал полки с бутылочками, щетками, коробочками и лампочками. Потом обернулся, почувствовав необходимость изучить маленькое, зарешеченное окно, которое светилось квадратом послеполуденного света.

Его голова резко повернулась к двери как раз в тот момент, когда снаружи послышался гром от бега. Мгновение спустя издалека донеслись разочарованные крики хулиганов. Генри знал, что они не станут испытывать судьбу и рисковать наказанием из-за охоты на уборщика-инвалида, поэтому уберутся восвояси скорее раньше, чем позже.

Генри тоже не слишком беспокоился. Он знал о хулиганах все, прожил с ними всю свою жизнь. Однако с тех пор, как он поступил в начальную школу «Либерти», он научился избегать нападений, считывая своих противников. Он понимал – до какой-то степени – когда дети злились, грустили или просто скучали, и реагировал соответственно. После того, как он понял, что нужно говорить или как реагировать – смело на ложные угрозы, застенчиво на серьезные – школьные хулиганы оставили его в покое. Как будто после нескольких

встреч они *поняли*, что с Генри что-то не так, и, может, даже немного побаивались его. Той его части, с которой было что-то *не так*. В конце концов, люди боялись неизвестного. А хулиганы из начальной школы, несмотря все бахвальство, все равно оставались детьми. А детей, как известно, независимо от их размера и гнева, легко напугать.

Ожидая, пока закончится этот новый инцидент, Генри изучал Фреда, вернее, его спину. Он уже начал читать его, но понимал, что нужно быть аккуратным с личной информацией, ведь нельзя лезть в душу людям только потому, что ты это умеешь. Тем не менее, Генри не мог сдержаться – только чуть-чуть, проверить, как Фред...

И тут вдруг Фред повернулся и посмотрел на Генри сверху вниз.

В этом темном чулане, откуда невозможно было сбежать, наедине с этим гигантом, способности Генри быстро отошли на второй план. «*Никто не знает, что я здесь*», – понял он. Прижимая учебник к груди, как щит, мальчик сделал шаг назад.

– Кажется, они убежали, – сообщил Фред. – С рукой все хорошо?

Генри кивнул, хотя руку немного покалывало от боли – наверняка останется синяк. И все же он переживал вещи и похуже. «*Да уж, – подумал он, – намного хуже*».

– Я открою дверь и проверю. А ты пока иди к выходу с другой стороны. Тебя кто-то ж-ж-ждет?

Генри кивнул, хотя это было ложью. Мальчик каждый день ходил домой один, и если он возвращался до 16:00, Дэйв и Мэри с радостью предоставляли ему такую свободу. Генри знал, что сейчас уже почти четыре. Но если Мэри не поднимет шум и не решит побеспокоить дядю Дэйва на работе,— а Генри сильно в этом сомневался,— пройдет еще добрый час, прежде чем кому-нибудь придет в голову прийти за ним. Если не дольше.

— Ну ладно,— сказал Фред. Он приоткрыл дверь на несколько дюймов и заглянул в освещенный проем.

С приступом паники Генри внезапно захотелось выбраться из этого чулана. Преодолеть это расстояние, выйти из школы, побежать по Уикер-драйв и вернуться домой, в безопасность, к Дэйву и Мэри. На него это было не похоже — паниковать и бояться, но было здесь что-то гнетущее, что-то опасное. Оно будоражило сознание и холодило позвоночник. Он почти мог это увидеть... Если бы только открылся...

— Ладно, беги! — громко прошептал Фред и широко распахнул дверь, а сам отошел подальше, продолжая следить, не появится ли кто.

Все его любопытство улетучилось, когда Генри юркнул наружу — туда, где свет. Он в последний раз быстро взглянул на Фреда, который на мгновение опустил глаза на Генри, прежде чем продолжить высматривать хулиганов. Не говоря ни слова, Генри побежал к выходу сразу за столовой.

Мальчик на бегу проверил местность, черный глаз ярост-

но метался, но не нашел ничего ни вокруг себя, ни впереди. Где бы ни были те парни, они не стояли между Генри и свободой.

Далеко позади себя он услышал, как закрылась дверь чулана, а потом и слабые, торопливо удаляющиеся шаги уборщика.

Генри не обернулся. Не «потянулся» к нему.

Он не хотел знать, что тот почувствует.

В комнате мотеля было душно. Аризонское солнце уже пекло вовсю и зависло высоко в небе, ярко освещая пустыню, не щадя никого и ничего своим слепящим жаром. Солнце Аризоны совсем не походило на обычное – животворящий маяк тепла и радости, каким его видит остальной мир. Нет, здесь оно больше походило на то, как если бы сам Бог держал лупу размером с Млечный путь, фокусируя лучи этой далекой газообразной энергии в одну пронзительную точку разрушительного жара, сжигающую эту юго-западную пустыню и всех ее обитателей, прямо как дети издеваются летним днем над муравьями.

Пекущийся под смертельным лучом конкретно этот участок штата Красного дьявола не представлял собой ничего, кроме мутной ленты старого шоссе, редких зарослей пузатых кактусов, саркобатусов, дикого львиного зева и другой устойчивой к солнцу растительности. Насекомые, ящерицы и другая фауна, плодящаяся в сухую жару, неподвижно лежали вдоль плоских выступов песчаника или судорожно сновали по участкам потрескавшейся песчаной земли.

Среди всей этой колючей природы и чешуйчатой жизни было еще кое-что: темный, забытый монумент, сторбившийся на обочине коричневого шоссе, ветхий и нелюбимый, как надгробие серийного убийцы. Перед этим моргом гостепри-

имства висела обветшавшая вывеска «МЕДНЫЙ МОТЕЛЬ»; выдавшие виды буквы изо всех сил цеплялись за отслаивающуюся, выцветшую белую краску. Под названием было несколько фрагментов букв цвета черного чая, которые когда-то могли быть словами «МЕСТ НЕТ». Доска, которая когда-то прикрывала эту надпись (в зависимости от занятости на момент времени), давным-давно рассыпалась в труху. В любом случае, если взглянуть на нынешнее состояние «Медного мотеля», любой нормальный человек счел бы эти слова риторическими.

В «Медном мотеле» было двенадцать одинаковых номеров, потрескавшаяся парковка, усеянная мощными сорняками (сейчас на ней стоял лишь потрепанный «Шевроле Камаро» 74-го, когда-то черный, а теперь выгоревший угольно-серый), сломанный автомат с газировкой, офис, в котором храпел худющий старый менеджер, и на этом все.

Из двенадцати доступных номеров одиннадцать были пусты.

В седьмом номере мерно стучал маленький кондиционер; тепловатая струя воздуха из пыльных вентиляционных отверстий практически никак не снижала удушливую температуру в затененном чреве комнаты.

Обнаженные, потные тела мужчины и женщины лежали на продавленном двуспальном матрасе, простыни и пуховое одеяло свалились с края и бесформенными кучами валялись на пыльном полу около кровати.

Женщина дышала ровно, лежа задницей кверху и раскинув руки и ноги; короткие черные волосы прилипли к ее шее, вискам и щекам. Мужчина же свернулся в позу эмбриона, одна нога непроизвольно подергивалась, его губы лихорадочно произносили слова, которые беззвучно таяли в воздухе. Зрачки неустанно блуждали под веками, а лицо исказилось то ли от боли, то ли от страданий.

Во сне он всегда бежал.

Он с Тимоти – мой мальчик, ему через несколько недель исполнится десять – и они уже почти три месяца прячутся на заброшенной мельнице на ферме тестя к северу от Беги. Они с сыном бегут по песчаным плоским камням, во что-то играя. Его жена дома, изо всех сил старается сделать сарай смотрителя пригодным для жилья, хотя бы временно. Тимоти смеется и поворачивается к своему отцу, когда раздаются три быстрых и громких выстрела. Выстрелы чистым эхом разносятся по сухому пространству, доходя до недалекой реки, в которой тем утром мальчик пытался поймать рыбу, но смог лишь забрызгать ступни, колени и руки речной водой и прохладной грязью.

Когда раздаются выстрелы, Лиам прекращает погоню, встает столбом и смотрит на сына, который виднеется из-за гребня – в одних зеленых плавках, на залитом солнцем лице читается растерянность. Он в панике поворачивается к мельнице. Отсюда видны побеленные стены их импровизированного жилища, коричневые пятна ржавчины на серой

жестяной крыше. Позади парит сломанная ветряная мельница, широкие серые лопасти застыли в душном полуденном воздухе.

«Они нашли меня», — думает он. Еще один выстрел, и один из камней плюется пылью.

— Тимоти, БЕГИ! — кричит он, как кричал тысячу раз в тысяче снов до этого.

Тимоти слушается. Он бежит так быстро, насколько только позволяют его маленькие ножки.

А потом он исчезает.

Лиам бежит к тому месту, где всего несколько мгновений назад стоял его мальчик, видит бесконечно глубокую трещину в скалах шириной в три фута. Он падает на живот и зовет своего сына. Из тьмы тянется рука. Тимоти плачет, и звуки его страданий эхом отдаются в темноте.

— Мне больно, папа! — кричит он, а затем сзади раздаются быстрые шаги, и Лиам протягивает руку вниз, ищет тонкие пальчики своего ребенка, и тут ему на спину наступает тяжелый ботинок.

Он хочет объяснить, что ему нужно спуститься в расщелину с зазубренными краями, где ручей впадает в холмы и исчезает под землей, расширяется и впадает в реку. Он должен быть со своим мальчиком в холоде, сырости и темноте.

В этом сне, в каждом варианте этого повторяющегося кошмара, что-то нечеловеческое тянется из темноты и за-

крывает грудь и лицо его сына скользкими черными руками, которые извиваются, словно питоны. Эта штука тянет его глубже вниз, в чернильную черноту, и Лиам пытается закричать, увернуться от каблука, впивающегося в поясницу, соскользнуть в расщелину, в темноту, чтобы спасти своего ребенка.

И вот тогда грохот выстрела из дробовика врежется в его череп... и он просыпается.

– Господи, Лиам, ты в порядке? – спросила девушка; взгляд сонный, дыхание зловонное.

Лиам сел, сердце колотилось, он с жадностью глотал воздух. «Гребаный сон», – подумал он, скорее злой, чем напуганный. Ведь независимо от того, как далеко он убежал, проклятый разум всегда был с ним, таща за собой грязный мешок старых воспоминаний.

– В порядке, – резко ответил мужчина, поднимаясь с кровати, встревоженный тем, как ужасно жарко было в комнате.

«Видимо, уже за полдень», – подумал он и огляделся в поисках своих джинсов.

– Кажись, какой-то ужасный кошмар, – сказала девушка.

Лиам нашел джинсы, поднял их и просунул в них ноги. Он застегнул широкий коричневый кожаный ремень и впервые с момента пробуждения обратил внимание на женщину. Мозг был все еще затуманен из-за выпивки прошлой ночью – а потом и ранним утром. Сначала в том дерьмовом баре в Юме, а потом, когда тот закрылся, здесь – они поехали на

север и остановились в первом попавшемся мотеле.

И как, черт возьми, ее зовут?

Лиам пожал плечами, решил, что это все равно не важно, и стал размышлять, уехать ему сейчас или сначала принять душ. Пока он размышлял и пытался забыть о проклятом сне и воспоминаниях, что шли в придачу, девушка тоже встала с кровати с хитрой ухмылкой. Она подошла ближе, обнаженная, словно змея, и начала возиться с только застегнутой пряжкой.

– Да ладно, Лиам, давай вернемся в постель. Что за спешка?

– В постель? Да тут же сто градусов.— Он на мгновение задумался.— Пойду приму душ, а потом сразу поеду.

Девушка обняла его, прижалась грудью к его ребрам, и Лиам вдруг понял, что реагирует на это даже несмотря на жару, раздражение и сон.

– Тоже неплохая идея,— сказала она.— Давай быстренько примем душ, а потом поедem в Калифорнию, да?

Она снова хихикнула и крепко прижалась к нему всем телом так, что это наводило на мысль о том, что их представления о душе существенно различались. Мужчина зажмурился и на мгновение задумался, пытаясь вспомнить, когда, а главное, *нахрена* рассказал ей о Калифорнии?

Тупой тупой тупой тупой тупой...

А потом он все вспомнил. Девушка была там барменшей. Перед закрытием она украла выпивку, а Лиам пообещал от-

везти ее в мотель. Они легко вышли через черный ход, когда старик, управляющий баром, пошел посрать и сидел там еще десять минут после того, как они сбежали.

Стоп, он рассказал ей больше, так ведь? Рассказал о своем прошлом. О бегстве из Австралии после... После того, что случилось. Как затем познакомился с несколькими мелкими предпринимателями в Лондоне, чтобы обзавестись кое-какими контактами. И... да, черт возьми... он рассказал ей о своей бывшей, Каарон, и о Тимоти.

Лиам, может, ты и охренеть как умен, когда трезв, но когда к тебе пьяному подходит хорошенькая девка, ты тупее осла.

Он выдохнул и посмотрел на макушку девушки. С некоторой грустью он задумался, не слишком ли много ей рассказал. Например, то, что могло навредить в Калифорнии, навредить Джиму... *или работе, придурок.* Да уж. Он все пытался вспомнить, но он бы никогда об *этом* не рассказал... так ведь?

Он не хотел причинять ей боль, и уж точно не хотел ее убивать. Но от нее нужно избавиться, и побыстрее, пока у нее не появились еще какие-нибудь блестящие идеи вроде поездки с ним вообще куда-то, не говоря уже о Калифорнии.

– Послушай, дорогуша,– сказал Лиам, стараясь говорить как мачо австралиец, в которого она влюбилась, а не как коварный преступник, которым он был.– Может, ты пока включишь воду, а? А я скоро подойду.

Он оттолкнул ее, поцеловал в губы, и когда она провела руками по его щекам и взлохмаченным черным волосам, он почти подумал о другом выходе, потому что внезапно ее версия душа показалась чертовски хорошей идеей. Он прервал поцелуй и отвел взгляд от нее, от ее тела, будто что-то выискивал.

– Мне надо позвонить, ладно? Иди включи воду.

Девушка на мгновение вопросительно на него посмотрела, а потом улыбнулась, отвернулась и очень медленно зашагала в ванную.

«Она хорошенькая, – подумал Лиам, а затем зажмурился. – Да, чувак, но представь, что Джим сделает с этим хорошеньким личиком, если она заявится в Калифорнию, будет задавать вопросы, искать милашку Лиам. Хорошеньким оно больше не будет».

Он снял трубку с телефона, стоявшего на тумбочке, и подождал, пока зашумит вода. Как только услышал плеск, то подождал еще пару секунд; потом спуск воды в унитазе, затем скрежет металлических колец для занавески для душа. Лиам бросил телефонную трубку на смятую постель и быстро нацепил футболку. Обыскал комнату в поисках своей спортивной сумки, запаниковал, когда ее не оказалось ни на потертом стуле, ни под грудой постельного белья, а потом вспомнил, что оставил ее в машине вместе с заряженным «Глоком».

Когда он убедился, что взял все – то есть ключи, бумаж-

ник и солнцезащитные очки,— то тихо выскользнул за входную дверь, стараясь не звякать цепочкой на замке, а затем медленно закрыл за собой. Он подбежал к машине и сел внутрь. Жара в салоне поглотила его, как раскопчегаренная печь, и ему пришлось потратить драгоценные несколько секунд, чтобы опустить одно окно. Лиам выехал задним ходом на узкое коричневое шоссе, не сводя глаз с двери номера мотеля. Если она выйдет, если у нее будет хоть крохотный шанс увидеть его номер, ему придется воспользоваться «Глоком».

Он молился, чтобы она осталась в номере.

Когда Лиам ускорился (его старушка хоть и утратила свою красоту, зато мотор был еще что надо), посмотрел в зеркало заднего вида, надеясь не увидеть там разозленную, мокрую девушку, которая гонится за ним голышом по изнуряющим волнам послеполуденной жары. Но там никого не было, поэтому он отпустил напряжение, сковавшее грудь, и выдохнул. Спустя несколько миль он остановился, чтобы опустить все окна, потому что кондиционер сломался еще несколько месяцев назад.

Направляясь на запад, Лиам думал о кошмаре, который, по факту, таковым не являлся, ведь все это было *взаправду*. Верно? Да, все, кроме последней части, потому что в пещерах не жили существа, которые хватали маленьких мальчиков.

Или жили?

Нет, но в мире существовало зло.

Он его видел. Он его творил. *Монстр*.

Лиам вздохнул, зная в глубине души, что не смог бы убить девушку, но все же жалел, что рассказал ей о Каарон и уж тем более о Тимоти. Эти воспоминания он любил считать скрытыми. Теми его частями, которых никто не мог видеть. Мужчина думал, что если он будет держать их – *мысли* о них – запертыми в сознании, тогда они будут менее реальными, и ему не придется скучать. Не придется чувствовать боли от того, что его мальчика нет рядом.

– Что сделано, то сделано,– сказал он вслух, успокоенный своим филигранным побегом, дорогой и твердым звуком собственного голоса.

Он улыбнулся, разогнал помятый «Камаро» до восьмидесяти и прикинул, что позвонит Джиму как раз вовремя, плюс-минус пара минут, в зависимости от пробок. И это хорошо, ведь за годы знакомства с Джимом Кэди Лиам понял одну важную вещь – и ее никогда не стоит забывать, сколько бы они вместе ни работали и каким бы хорошим другом он ни считал Джима – Кэди *никогда* нельзя злить. А Джиму нравилась пунктуальность. Он любил точность. И до сих пор эти черты приносили Лиаму ощутимую пользу; Лиаму, который, по сути, был его главным напарником. Правой рукой, так сказать.

Ага, но руку можно и отрезать, так ведь, приятель?

Улыбка Лиамы разгладилась, и он начал думать о работе. Прорабатывать основные пункты, план. Было важно про-

писать все до приезда, потому что было бы слишком глупо явиться неподготовленным, а эта работа была сложнее большинства других. Все должно пройти идеально. Да, у них была несколько сложных заданий по всему миру – ограбления банков, проникновения со взломом, даже охота за головой болтливого свидетеля для каких-то умников в Чикаго, – но эта была другой. Неисследованная территория.

Они еще никогда не похищали людей.

Дом Торнов, уютно устроившийся на фешенебельных пригородных улочках северного Сан-Диего, представлял собой белый коттедж с железными перилами вокруг небольшого, но чистого крыльца и метафорически провисшей крышей – из-за второго кредита, который перешел им после смерти брата Дэйва. Без кредита было никак, и он был краткосрочным (по крайней мере, Дэйв молился на это) – все ради оплаты медицинских счетов Генри. Месяцы как стационарных, так и амбулаторных сеансов физиотерапии, не говоря уже о последующей психотерапии – необходимость, которую страховая компания отказалась покрывать.

По крайней мере, Дэйв и Мэри радовались тому, что они возместят часть этих расходов, как только Генри достигнет совершеннолетия и получит выплату, но этого придется ждать около десяти лет. Они оба согласились перевести каждый цент иска (за вычетом небольшой суммы на покрытие лечения Генри) в трастовый фонд, чтобы быстро забыть обо всем и двигаться дальше, зная в глубине души, что им будет нелегко, но при этом точно понимая, что они справятся. Придется. Разве был другой выбор?

С переездом Генри им пришлось принести и другие жертвы, но они совсем об этом не жалели. В самом начале кабинета Дэйва, где он работал по ночам, в выходные и зачастую в

праздники, пришлось перенести в и без того маленькую гостиную, чтобы у Генри была собственная спальня.

Чтобы свести концы с концами и вернуть всех своих клиентов, Дэйв работал больше (даже по его обычным стандартам). Мэри пришлось скорректировать часы работы в местном отделении страховой компании, где она работала вместе с педантичным мужчиной по имени Леопольд Гэнтри, который с ангельским терпением вошел в положение Мэри и сразу же подогнал свой график под новое расписание.

И все же, несмотря на сдвинутые графики, увеличенный рабочий день и финансовые проблемы, Торны никогда не были так счастливы. Они стали *семьей*, и это было бесценно, особенно учитывая последствия внематочной беременности Мэри и последующего заболевания органов малого таза, из-за чего ее фаллопиевы трубы склеились, как запечатанная дверь, которая никогда уже не откроется, сколько бы приятелей Дэйва туда не стучалось. Да, семья, и уж Мэри позаботилась о том, чтобы ею они и оставались, несмотря на то, что их свели вместе ужасные обстоятельства. С ее новым графиком она могла готовить ужины почти каждый вечер, и поэтому, даже со сложным расписанием, чрезвычайными ситуациями на работе или любыми другими мелкими жизненными неприятностями, они втроем каждый день ужинали вместе. Говорили. Делились друг с другом новостями.

Обычно Генри шутил дурацкие шутки весь ужин напролет, а Дэйв еще более дурацки реагировал – все ради то-

го, чтобы заставить Генри смеяться и забыть о болезненном прошлом, обо всем плохом в мире.

Но в этот вечер за ужином чувствовалась осязаемая неловкость, напряжение, которое ни Дэйв, ни Мэри не могли понять. Мэри предположила, что все это из-за их визита к Хамаде и из-за того, что они хотели поговорить с Генри о его даре. Они с мужем уже обсуждали этот вопрос. Разработали *стратегию*. Но теперь, увидев угрюмого Генри за столом, они оба молчали и гадали, подходящий ли это момент для такой темы.

Дэйв тихо кашлянул. Они с Мэри многозначительно переглянулись.

Но Генри едва ли обращал на них внимание, а лишьковырял вилкой мясной рулет без всякого желания его есть.

– Генри? – наконец сказала Мэри наигранно ласково, а это означало, что она хочет поговорить о чем-то личном. О его мозге, о докторе или о том, что сказал учитель в школе. – Мы сегодня говорили с доктором Хамадой.

Генри отложил вилку, такую большую и блестящую – он ненавидел ее, потому что чувствовал себя с ней малышом, которому приходилось сжимать прибор в кулаке, рядом с зубцами, чтобы не уронить. Мальчик тяжело вздохнул, положил руки на колени, ссутулил плечи и настороженно перевел взгляд на Дэйва и Мэри. Он понял, что они пялились на него весь ужин, ожидая подходящего момента завести этот разговор. Но он был погружен в свои мысли, думая о тех хулига-

нах, которые бежали за ним, о том, как уборщик заперся с ним в кладовке, о ненавистном оскорблении. Генри не хотел сейчас ни о чем говорить, и уж тем более о докторе Хамаде.

Его глаза перебегали с одного лица на другое. Дядя Дэйв улыбался, но казался нервным. Тетя Мэри тоже улыбалась, но как-то чопорно, и Генри понял, что ему не отвертеться.

– Ладно, – тихо ответил он, ничего не выдавая.

– Он рассказал нам о... – Мэри запнулась, – о ваших играх. С карточками. У тебя хорошо получается.

– Карты Зенера, – поправил Генри, понимая, к чему все ведет. – Да, я их отгадываю.

– Это хорошо, Генри, – выпалил Дэйв, откладывая вилку. – Мы просто хотели больше о тебе узнать; мы с доктором Хамадой хотим, чтобы ты понял себя, был счастлив.

– Я счастлив, – сказал Генри правду. Он пытался показать это Дэйву и Мэри, но, кажется, у него не получилось. Дэйв снова выглядел нервным, а Мэри – взволнованной, как будто Генри только что крикнул: «Я вас ненавижу!»

– Отлично, Генри, – ответила Мэри, – и это самое главное. Мы просто...

– Вы хотите знать, умею ли я читать мысли? – резко спросил Генри. – Всех, кого захочу?

Дэйв замер с едой во рту, а Мэри вдруг выпрямилась, будто Генри вытащил из кармана змею.

– Я могу, – продолжил он. – Я не читаю, потому что это невежливо, но если захочу, это просто. Как взять в руки кни-

гу. Или смотреть телевизор.

Наступила минута молчания, пока Дэйв и Мэри приходили в себя после столь откровенного заявления Генри. Они еще не обсуждали эти странные способности так прямо. Генри понял, что Дэйв и Мэри были к этому не готовы. Не хотели знать наверняка всю степень его возможностей.

Прямо как в тот раз, когда тетя Мэри спросила его о перешептываниях по ночам, и Генри сказал ей правду – он разговаривал со своим папой. Это ее напугало. А когда об этом узнал дядя Дэйв, он казался даже не напуганным, а рассерженным. Будто Генри делал что-то плохое или играл с кем-то, с кем не должен. И когда они узнали, лучше совсем не стало!

Поэтому Генри начал разговаривать с папой только про себя. По крайней мере, пытался. Иногда он забывался и шептал или говорил вслух, но старался не делать этого в их присутствии, иначе они снова испугаются и разозлятся. Хоть они и пытались быть милыми и помочь ему, Генри понимал, что ничего не выйдет.

Он только напугает их, прямо как сейчас.

Генри почувствовал невероятную усталость. Он опустил подбородок, уставившись на холодный мясной рулет и картофельное пюре на тарелке и тяжелую вилку, забытую на ска-терти.

– Можно я пойду, пожалуйста? – сказал он.

Дэйв и Мэри переглянулись.

– Ты почти ничего не съел,— сказала Мэри.

– Я не хочу,— пробормотал мальчик и соскользнул со стула.— Извини, тетя Мэри,— добавил он, не зная, за что извиняется — за несъеденный ужин или за то, что они не смогли ему помочь. Или, точнее, за то, что он не успокоил *их*, а только напугал, и так они себя и чувствовали — напуганными и беспомощными.

Он это *видел*.

– Генри,— начала Мэри, но Дэйв мягко положил руку ей на предплечье.

– Ничего, Генри,— сказал Дэйв.— Может, ты приляжешь? А мы оставим тебе еду. Если вдруг проголодаешься, мы потом разогреем, хорошо?

– Да, спасибо.

Генри сделал несколько шагов в сторону коридора, а потом повернулся и увидел, как они смотрят друг на друга, держась за руки, на их лицах ясно читалась озабоченность.

– Я люблю вас,— сказал мальчик.

Мэри подошла к нему, опустилась на колени и крепко обняла, поцеловав в лоб и щеки. Генри улыбнулся, и холод, поселившийся в его сердце, начал таять.

– Мы тоже тебя любим, Генри,— сказала она, глядя его по лицу и голове.— Иди приляг, а я попозже к тебе зайду.

– Хорошо, Мэри,— ответил Генри и пошел в свою спальню, закрыв за собой дверь. Угасающий свет, льющийся через его единственное окно, окутывал комнату туманным багро-

вым закатом, углы уже заволокла тень. Он заполз на свою кровать, желая просто полежать пару минут. В животе заурчало, и он подумывал пойти доесть свой ужин. Размышляя, он обхватил руками мягкую подушку и закрыл глаза.

Когда он открыл их снова, было темно.

Он весь был слишком теплым, потным. Его укрыли одеялом, и одежда все еще была на нем – те же спортивные штаны и футболка, в которых он ходил в школу. Во рту пересохло. Он перекатился на бок и посмотрел на светящиеся цифры прикроватных часов в форме бейсбольного мяча.

12:34

Он сел, потер веки. Немного сбитый с толку, рассеянный.

Видимо, в какой-то момент он уснул. Кто-то накрыл его одеялом и оставил дверь открытой. Генри улыбнулся: его любовь к Дэйву и Мэри помогла сгладить острые углы трудного дня, рассеять туман временной дезориентации.

Он любил оставлять дверь спальни открытой, потому что ночник в коридоре помогал спокойно ходить по ночам в туалет (и не бояться); в его спальне было только одно окно, через которое лунный свет наполнял комнату серебристыми очертаниями и тенями – целый мир, укрывающий воображаемых монстров.

Генри с немим стоном осознал, что его действительно разбудила слишком знакомая потребность, которая давила на мочевого пузырь легкой спазматической болью. Но когда он сбросил одеяло с разгоряченных ног и свесил их с края кровати, то замер – его затуманенный сном мозг быстро уловил

новые, актуальные данные.

В коридоре не горел свет.

Вертикальная темнота заполнила пространство между приоткрытой дверью и рамой. Тьма, собравшаяся в коридоре, просочилась в комнату через отверстие, разлилась по полу и стенам, залила потолок.

Генри изучал эту вертикальную черную полосу, задаваясь вопросом, сможет ли выдержать нарастающее давление в мочевом пузыре настолько, чтобы снова заснуть. А еще он гадал, пока разжигались первые угольки страха, почему тусклый ночник лимонного цвета не был включен.

«Тебе нечего бояться», — прошептал голос у него за ухом.

У Генри перехватило дыхание.

«Папочка?»

Он уже давно слышал голос — с тех пор как очнулся после комы, но иногда это все равно заставляло его врасплох. И Генри хотел убедиться. Это правда папа — или все это у него в голове? Порой он не понимал, реален голос или выплыл из подсознания, хитро имитируя человека, которого Генри так хорошо знал, так сильно любил.

— Папочка? — на этот раз вслух. Он ждал.

Голос вернулся — *так близко* — и это точно не лжец из подсознания. Все взаправду. «Реально, как кашки», как любил говорить Дэйв, обычно, чтобы рассмешить Генри.

«Уверяю тебя, сынок, — продолжал голос заискивающим тоном, — можешь выйти. Я все за тебя проверил. Там нет

ничего, кроме семейных фотографий. Вот увидишь. Иди».

Генри покачал головой; ему все еще не хотелось идти в темноте.

— Нет,— прошептал Генри, но его мочевого пузыря болезненно сжался. Он не сможет терпеть всю ночь.— Не хочу.

Мальчик прислонился спиной к сосновой спинке кровати, подтянув колени к груди, подальше от открытой двери и темного коридора за ней.

«Ладно, послушай,— произнес шелковистый голос, переместившись от уха назад, а потом прямо напротив, будто Генри говорил с кем-то с глазу на глаз.— Я проверю еще раз, хорошо? А потом вернусь и скажу, все ли там чисто».

Генри ненадолго задумался, признал логику и кивнул.

«Ну отлично, договорились,— ответил голос, явно довольный собой.— Сейчас вернусь».

Тени рядом с кроватью Генри завибрировали, а потом слились воедино, как лужицы черной ртути. Густая чернота собралась в кучу и встала, будто человек. Тень поднялась в полный рост — высокая, тощая фигура — и отошла от мальчика к двери.

Генри наблюдал, как она проскользнула в коридор — черная фигура, едва различимая в темноте, словно очерченная серебром, как тень, подсвеченная ореолом. Она посмотрела в одну сторону, потом в другую, затем снова повернулась к Генри, слегка пожав темными плечами.

«Ничего,— сказала тень.— Иди сюда и включи свет. Я по-

стою с тобой».

Медленно, все еще настороженный, Генри соскользнул с кровати и направился к двери. Пока фигура в тени наблюдала за происходящим, Генри наклонился так, что его глаза оказались на уровне ночника.

«Давай, сынок. Я охраняю».

Генри кивнул, протянул палец к свету и повернул крошечный пластиковый переключатель. Узкая лампочка, напоминающая пламя свечи, спрятанное за морской раковиной, ожила, и желтый цвет заполнил коридор мягким светом. Генри улыбнулся с облегчением и благодарностью.

Но улыбка дрогнула, когда он уловил движение в конце коридора, где только что со щелчком закрылась дверь.

Там стоял дядя Дэйв в боксерских трусах и белой футболке. Он уставился широко раскрытыми глазами. Но не на Генри, а за него.

На человека-тень.

Генри обернулся, но не увидел ничего, кроме пустого коридора. Затем он повернулся обратно к Дэйву и улыбнулся.

– Привет, Дэйв, – сказал мальчик, потирая глаза, будто только проснулся.

Глаза Дэйва метнулись от Генри к пустоте позади него, затем обратно. Выражение его лица смягчилось, и Дэйв слегка покачал головой, прежде чем устало, неуверенно улыбнуться в ответ.

– Что ты делаешь?

– Мне надо пописать,– сказал Генри.

Дэйв открыл рот, чтобы ответить, но Генри быстро прошел в ванную и закрыл за собой дверь.

Когда Генри вышел, Дэйва там не было. Мальчик пошел в свою комнату, мечтая снова уснуть, но увидел, что его дядя сидит в ногах его кровати, ожидая в мрачной темноте.

– Генри, ты в порядке? – спросил Дэйв, его голос звучал устало и, возможно, немного испуганно.

– Ага,– ответил Генри, подбежал к кровати и запрыгнул на нее; его ноги мягко стукнулись о руку Дэйва.

Мужчина рассмеялся, встал и натянул одеяло до подбородка Генри.

– Не так сильно, а то жарко,– предупредил Генри.

– Может, открыть окно? – спросил Дэйв.– Я могу, но тогда ты с утра будешь слышать, как гремят машины с мусором.

– Нет, просто не накрывай.

Дэйв кивнул и аккуратно отложил одеяло ниже ног Генри, а потом накрыл самую малость.

– Так нормально?

– Да,– ответил Генри.– Вообще-то, открой и окно, пожалуйста. Только наполовину. Я не боюсь шума.

– Ладно,– сказал Дэйв и пошел к окну.

После яркого света в ванной глаза Генри снова привыкали к темноте, но теперь было легче благодаря мягкому свечению ночника в прихожей.

Мальчик ясно видел Дэйва, когда тот раздвигал занавески

в изножье кровати. Лунный свет лился внутрь, окутывая его прохладной синевой.

Когда Дэйв открыл окно, Генри увидел сзади него темную наблюдающую фигуру. Человек-тень вышел на лунный свет, и Генри отчетливо увидел лицо – двухцветные черты носа, скул, губ и подбородка. И глаза цвета серебряных монет.

В комнату ворвался прохладный ветерок. Дэйв снова сел на край кровати Генри.

– Я слышал, как ты говорил, сынок. Это... – Он осекся, но затем продолжил. – Это был твой папа? Папа снова здесь?

Генри смотрел на дядю, но не отвечал. Он увидел приближающуюся тень своего отца. Увидел, как темная рука потянулась к плечу Дэйва.

Генри крепко зажмурил глаза.

«Папа, нет!»

Когда мальчик открыл их, темная фигура исчезла, и Генри вздохнул с облегчением, благодарный, что отец вернулся внутрь, где ему самое место. Дядя Дэйв с любопытством наблюдал за Генри.

– Нет, дядя Дэйв, – ответил Генри и пожал плечами. – Наверное, просто странный сон.

Дэйв заметно расслабился, накопившееся напряжение спало с его плеч. Он выдохнул и улыбнулся.

– Тогда ладно. Давай, засыпай.

Дэйв встал и направился к двери, затем обернулся. Ночник горел позади него, теперь превратив в тень дядю.

– Ты же знаешь, Генри, твой папа любил тебя. И если он с тобой, это хорошо, это означает, что он все еще жив в твоём сердце. Ты ведь понимаешь?

Генри увидел темную фигуру отца, стоявшего в холле позади дяди, прислонившись спиной к противоположной стене и скрестив руки на груди. Под мерцающими серебристыми глазами изогнулась ухмылка.

– Понимаю,— тихо ответил Генри и отвернулся от двери, чтобы уснуть.

В другой части Либерти, той, что располагалась ближе к окраинам города, где наряду с канализационными и энергетическими заводами разрастались свалки, где телефонные столбы имели тенденцию наклоняться, а предприятия были преимущественно «закрытого типа» (конторы сантехников и стеклодувов, небольшие фабрики одежды, алкогольные магазины с решетками на окнах и металлообрабатывающие мастерские), располагалась полоса индустриализма, в конце которой красовалось грубое скопление трейлеров, прямо как ракушки на панцире черепахи. Если кому-то придет в голову посчитать, он насчитает пятьдесят трейлеров, расположенных в шахматном порядке рядами по десять, по бокам которых тут и там стояли еще несколько – все последующие вырастали на свободных клочках земли так же бессистемно, как дикие маргаритки.

Парк был обозначен при входе изогнутой металлической аркой со словами, которая тянулась от верха одной разрушающейся кирпичной стены до другой, а под ней проходила подъездная дорога с выбоинами. Именно под этой аркой однажды проезжал каждый из трейлеров в надежде найти свободное место, которое потом можно было бы назвать своим, устало обосноваться на отведенном прямоугольнике земли (разумеется, с оплатой за три года вперед) и поспать.

Вывеска гласила: «ОКНО НА МОРЕ». Каждая буква была вылита из твердого металла, давно проржавевшего от дождя и потускневшего от времени. Название врало; хоть море и находилось всего в шести милях от отеля, обнаружить его можно было только с вертолета. Через так называемое «окно» трейлерного парка можно было увидеть только несколько квадратных миль зарослей кустарника, покатуую гору, большую часть года скорее коричневую, чем зеленую, и, в дальнем конце этого прекрасного пейзажа, юго-западный угол парковки «Уолмарта».

Один из таких разбросанных трейлеров был прижат к краю парка. Это место жители называли «баками» – вдоль низкой бетонной стены выстроился ряд больших металлических мусорных контейнеров. Когда-то яркие разноцветные баки давно стали единообразными и теперь походили на сбившихся в кучу ворон, окрашенных в серовато-черный цвет годами жестокого обращения со стороны людей, богов и зверей, переживших целое поколение мусора, воздействие любых погодных условий и реки собачьей мочи на ржавых стальных колесах.

Этот трейлер, напоминавший брошенный в грязь бежевый кубик лего, был домом Мусорного Томми Пэтчена, камнемета и хулигана.

Там родители Томми смотрели «Ночное шоу» и распивали пузырь бурбона «Эван Уильямс». Томми лежал в своей спальне в задней части трейлера, ближе всего к бакам, читал

старый, потрепанный журнал «Хэви Метал», который одолжил ему Грейсон, и решал, подрочить ли на голую мультяшную цыпочку верхом на белом леопарде или дочитать комикс о космических мутантах, которые поработщали женщин Земли. Он как раз перелистывал страницы обратно к желанному изображению, когда что-то или кто-то трижды постучал – *тук-тук-тук* – в маленькое окно его спальни.

Томми слегка подпрыгнул от неожиданности и поднял глаза на окно. Оно было маленьким и открывалось горизонтально, а стекло было таким же искаженным и полупрозрачным, как в ваннх придорожного мотеля. Оно находилось высоко, но не настолько, чтобы до него не смог дотянуться озабоченный семиклассник вроде Томми. У стены прямо под окном стоял ящик из-под молока, забитый стандартным набором подростка – комиксами, бейсбольными карточками, неиспользованными копилками – все это служило подспорьем. В грязи снаружи у окна стоял похожий ящик, в любой момент готовый для использования. Томми давным-давно освоил этот трюк с ящиками, когда ему нужно было залезть обратно в свою комнату посреди ночи (или ранним утром) после тусовки с парнями и пивом на дерьмовой заправке. Или, в редких случаях, после встреч с Бэтс, не совсем уродливой четырнадцатилетней соседкой, (которая, божественной, раньше была его няней), во время которых они целовались и играли пальчиками на той же упомянутой заправке, если девушке удавалось улизнуть из своего трейлера

на другой стороне парка.

Сегодня Томми не планировал вылазку. Никто из парней ему ничего не говорил, поэтому ночным посетителем могла быть лишь Бетти «Бэтс» Маккиллен, непревзойденная няня. Томми приподнялся на затекшем локте, у него уже потекли слюнки при мысли, что это действительно Бэтс, и она *вот-вот* сделает ему первый минет, если он сможет ее убедить – и Господь свидетель, он давно пытался, – что это не страшный грех.

– Бэтс? – сказал он приглушенным тоном, чтобы не спалиться родителям.

Ответа не последовало, и Томми уже собирался вернуться к журналу, теперь уже твердо решив сначала подрочить, а *потом* почитать, когда снова раздался стук. Медленнее. Настойчивее. На этот раз парень даже разглядел руку через полупрозрачное стекло. Размытый кулак, представляющий собой черное пятно на фоне темно-синей ночи.

Тук. Тук. ТУК.

Томми скатился с кровати и осмотрел узкий коридор, ведущий в гостиную. Ему открывался вид на телевизор и половину Джея Лено в дурацком белом парике, исполняющего какую-то тупую сценку, – наверняка его родители откинулись на спинку дивана, потягивали дерьмовый виски и курили сигару. Он тихо закрыл дверь до щелчка, а потом на всякий случай запер. Они к нему не зайдут – никогда не заходили, – но если дверь заперта, они точно не станут пытаться.

Пойдут в кровать, громко потрахаются и отключатся.

Возбужденный журналом и все больше думая о том, что, возможно, сегодня Бэтс наконец-то сдастся, Томми надел черную толстовку, поправил в зеркале прическу и отправился на разведку.

Он встал на изогнутый жесткий красный пластик и открыл окно.

– Бэтс?

Тишина.

Думая скорее либидо, чем мозгами, Томми высунул голову из окна, чтобы проверить, кто к нему пришел.

Массивная рука схватила его за волосы, пальцы были такими длинными, что обхватывали почти всю его голову. Рука дернулась, и парень начал кричать от боли – от страха – когда вторая грубая рука зажала его лицо.

С легкостью и быстротой, с какой вытаскивают винную пробку, Томми протащили через окно за голову и вытащили в ночь.

Он упал и сильно ударился о землю, из легких вышибло весь воздух. Не успел он среагировать, как что-то мощное надавило ему на живот, и быстрая череда ударов обрушилась на ребра с силой кувалды. Томми услышал, как в груди что-то *хрустнуло*, и он не мог дышать, не мог говорить. Не мог кричать. Боль была такой невыносимой, что работала похлеще новокаина, а рот открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной в речную грязь.

Он открыл глаза и на долю секунды увидел лицо нападавшего. Ужас и осознание пронзили его с такой силой, что он потерял всякую возможность мыслить рационально. Парень пробормотал несколько слов, среди которых могли быть «мама» и «помогите». Или, возможно, «прости».

Томми перевернули на живот. Грязь забилась ему в рот и глаза, а пронзительная боль от сломанной кости в груди вспыхнула, как от удара ножом. В мозгу что-то взорвалось. Невероятно большие руки схватили его за голову по бокам, и зазубренный валун вонзился в нижнюю часть позвоночника. Когда его голову оторвали от земли, позвоночник согнулся, и Томми понял, что массивное колено пригвоздило его к земле так, будто он был насекомым, приколотым к стене булавкой.

Томми подумал о девушке из журнала и ее белом леопарде... или это был тигр? Он представил, как скачет с ней верхом на этом тигре, держа девушку за обнаженную талию, и они убегают далеко-далеко...

Гигантские руки сжали, затем повернули с быстрой, дикой легкостью. Шея Томми хрустнула, как высохшая куриная кость.

Мальчик обмяк. Нападавший мгновение постоял, переводя дыхание, затем поднял тело и отнес к бакам, расположенным всего в нескольких ярдах. Там тело бесцеремонно выбросили вместе с мусором всего трейлерного парка. Утром его увезут на грузовике на свалку, где оно будет зарыто в землю, чтобы вечно лежать среди всеобщего хлама.

Из трейлера в прохладный ночной воздух просачивались звуки «Ночного шоу». Зрители громко смеялись.

Пока помойные крысы грызли кончики пальцев и мочки ушей остывающего тела юного Томми, другая потенциальная жертва бросилась спасти свою собственную проколотую иглой кожу, хотя и от совершенно другого хищника.

К счастью, мет, который Ричи выкурил час назад, предоставил его измученным мышцам достаточно химического адреналина, и он мчался по темному лесу достаточно быстро, чтобы удрать от преследователя. Струйки мерцающей в лунном свете слюны линиями тянулись от его нижней губы к груди потрепанной футболки. Парень захныкал, из его глаз хлынули слезы, влага смешалась с потом, который словно масло сиял бисеринками на лбу, висках и щеках. По пути Ричи потерял ботинок, и теперь его ноги тяжело били по влажной почве с асимметричным *бум-плюх, бум-плюх*, пока он убегал от монстра, потому что это был именно монстр.

Ричи успел его разглядеть.

Когда он заковылял подальше от лучей слабого огня из бака, чтобы посрать под деревом, как животное, то зашел слишком далеко, повернулся и понял, что заблудился. Ему было все равно; в лагере ничего не осталось. Горстка порошка, что они поделили между собой, давно закончилась, и Ричи не хотелось снова попасть в лапы этого жирного ублюдка Джерри, с которым он мирился только потому, что это

его жена-шлюха отсосала дилеру за жалкие четверть грамма, которую они так жадно скурили. Нет, он беспечно бродил, а под конец упал на землю под сенью пахнущей ванилью сосны, где смеялся просто так и грезил о треснувших звездах, рассыпающих бриллианты.

Ричи пришел в себя через несколько минут, когда что-то твердое ткнулось ему в руку.

Затем в грудь.

Затем постучало по голове, будто резиновым молотком.

Парень резко сел, готовый дать отпор обидчику,— сразу сжавшись и готовясь к насилию из-за выработавшейся привычки после многих лет тяжелой жизни на улицах,— и обнаружил, что смотрит в большие желтые глаза. Тяжелые веки прищурились, будто существо изучало его. Оно поднялось с корточек, черные конечности раздвинули скользкую внешнюю оболочку, которая, подобно мягким круглым пластинам, прилипала к телу, закрывая вывернутую голову.

Ричи закричал, и когда тварь потянулась к нему, он отшатнулся, закричал еще раз, в панике бормоча какую-то чушь. После нескольких неудачных попыток он, наконец, встал на ноги. А потом развернулся в темноту и побежал.

Существо последовало за ним.

Иногда Ричи слышал, как оно приближается — то слева, то справа. Ему и в голову не приходило, что эта тварь, возможно, играет с ним, ведя к месту назначения. В гнездо. В пещеру для убийств, где лежали кости сотен жертв, сухие и

хрупкие.

Он осмелился оглянуться в поисках, но дерганные, одурманенные наркотиками глаза не заметили ничего, кроме армии серебристых деревьев.

И ни одного следа преследователя.

Ричи развернул лицо вперед как раз вовремя, чтобы увидеть, как низко свисающая ветка, толстая, как взрослая анаконда, метнулась к его глазам. На долю секунды он осознал, что обзор заслонил витиеватый узор коры, а затем его голова озарилась белым светом; раздался сильный *хруст*, когда переносица врезалась в ветку, и все ещедвигающиеся ноги взметнулись вверх, из-за чего он вытянулся по горизонтали и рухнул на спину. Ричи застонал и заморгал, а когда поднес руку к лицу, то почувствовал, что нос слабо болтается, а кончик сдвинулся в сторону. Сломался. Внутренний скрежет смещающихся хрящей совпал с более глубокой, оглушительной болью, которая пронзила голову, пропитав и без того ослабленный мозг густым сиропом сотрясения мозга.

Позади хрустнула ветка, и в тело снова влился адреналин страха, на время расчистив мешающие мысли в мозгу, и этого хватило для экстренной выдачи соответствующих команд слабым, дрожащим конечностям: *«Двигайся, твоюжмать! ШЕВЕЛИ ЗАДНИЦЕЙ, РИЧИ!»*

Ричи зашевелился. Он поднялся на колени и пополз вперед, тяжело дыша, как собака, искривленный нос был плотно зажат, в голове стучало, как в барабанной бочке.

Парень продирался сквозь одни ветви, пригибался под другими и выбежал на небольшую поляну. Окруженный деревьями, он не увидел ни расчищенной дорожки, ни неоновой вывески с надписью «ВЫХОД». Осмелился взглянуть на луну – огромный глаз ночного неба, выпученный от ликования, наблюдал, как бедный, бездомный, зависимый от метамфетамина Ричи бежит, спасая свою жизнь. *«Какого хрена ему нужно?»* Парень почувствовал жар слез и подергивание губ, предвещавшие бурные рыдания. Он подавил эмоции, пытаясь собраться с духом. *«Оно меня не достанет, – хныкал его разум. – Ричи ему не удастся!»* Парень продрался сквозь очередной участок подлеска высотой по пояс и густого, как шиповник. Сломанная ветка вонзилась в ступню, проколов носок и кожу. Горячая молния пронзила ногу. Ричи снова упал и взвыл.

Щелк.

Его голова дернулась назад, чтобы осмотреть окружающие деревья.

– Оставь меня в покое, ублюдок!

Его крики были молитвой – то, что он проклинал, нельзя было так просто уговорить или отпугнуть. Ричи сделал несколько глубоких вдохов и попытался встать. Нога посылая сильные сигналы боли, но он мог на ней прихрамывать. Ковыляя вперед, он заметил, даже несмотря на панику, что почва как будто изменилась. Он посмотрел вниз и увидел, что прокладывает путь через полосу расчищенного леса, а

земля была утрамбованной и гладкой.

«Твою мать! – завопил мозг от яростной надежды. – *Это же гребаная дорога!*»

Ричи проковылял еще несколько ярдов, деревья редели на его глазах, дорога изогнулась, и он увидел свое спасение. Затененное строение совсем неподалеку. Упрямый укол чело-вечности, застрявший среди раскинувшегося, забытого бо-гом леса.

Дом.

– Эй! Помогите мне! – попытался он закричать, но его ли-цо было так изуродовано, а страх настолько заполонил созна-ние, что с разорванных губ сорвалось невнятное: «Э! Пмхт ме!»

Ричи преодолел участок земли, отделяющий линию дере-вьев от дома, быстрым, хотя и с запинками, бегом. Позади себя он услышал какое-то движение. Ближе. Быстрее. Это *нечто* приближалось...

Заставляя себя не думать, не оборачиваться, парень пере-прыгнул через три ступеньки на крытое крыльцо, позволив телу врезаться в дом. Он поднял кулак и постучал в дверь.

– Эй! – закричал Ричи, в горло залилась кровь, практиче-ски душа его. Он нагнулся, сплюнул кучу красной жижи на крыльцо и вытер дорожки от слюны голым предплечьем. За-кашлялся, оперся щекой о дверь и хрипло пропищал: «По-жалуйста...» в плесневелую дверь.

Вернись к нему обоняние, Ричи почувствовал бы запах

разложения. Запустения.

Постепенно кусочки головоломки соединились в его сознании. Он отступил на шаг и в ужасе уставился на дверь. Затем повернул голову, увидел заколоченные окна, расположенные в шахматном порядке вдоль фасада дома, и облупившуюся краску. Ричи присмотрелся к двери повнимательнее, пока паника перерастала в глубокий страх, и понял, что там висел ржавый замок на провисшей скобе между дверью и рамой.

– Заброшенный,— тихо сказал он, и в груди расцвел зародыш смирения. Впервые за много лет Ричи мыслил с абсолютной ясностью.

Деревья зашуршали.

Ричи повернулся. В кости просочился неподдельный ужас.

Повсюду были птицы.

«Вороны,— подумал он.— Или во`роны». Он так и не выучил хренову разницу. Земля была усеяна ими, как черной стружкой. Они прыгали, каркали и хлопали крыльями в его сторону.

Неподалеку, сразу за стаей птиц, из-за темных деревьев, густой завесы черных листьев, вышла фигура. Если бы он уже не знал, то мог бы принять ее за женщину в халате. Но Ричи увидел вблизи то чудовищное, невозможное, чем оно было на самом деле, и тогда смирился с правдой.

Здесь, под конец, пришло понимание. Ясное и леденящее

душу.

Он постучал пальцем по ржавому висячему замку, запиравшему дверь заброшенного домика, и понял, что сделал именно то, чего от него хотели. Пока парень наблюдал, как существо движется к нему сквозь море птиц, как все они расступаются, словно Чермное море, давая проход существу, он мог бы поклясться, что оно выглядело довольным. Может, даже радостным. Так можно чувствовать себя после тяжелого рабочего дня; такой приятный треск открывающегося холодного пива и закат с видом на веранду – настолько же прекрасные и удовлетворяющие, как послевкусие от лучшего секса во вселенной.

«Вот только эта хрень не пиво собралась открывать», – подумал Ричи, медленно спускаясь с крыльца, птицы враждебно каркали и освобождали ему путь. Существо провожало его своими золотистыми глазами, но в остальном оставалось неподвижным, остановившись в десяти футах. Ему было достаточно просто смотреть.

«Нет-нет-нет», – подумал Ричи, начиная шаркать вдоль фасада, готовясь скрыться за углом, если эта штука только даст ему такую возможность. – *Нет, эта тварь хочет откупорить меня»*. Истерика клокотала в глубине его сознания, ведь какая-то часть понимала, что это правда. Знала, что он вот-вот умрет.

НЕТ! НЕТ! НЕТ!

Давно забытая часть разума Ричи бунтовала, та часть, ко-

торая, казалось, давным-давно потонула в тумане метамфетамина. Часть, которая все еще несла в себе желание *выжить*. Она закричала, и этот давно забытый крик придал Ричи сил, о существовании которых он и не подозревал.

«*ЖИВИ!* – визжал этот голос. – *ВЫЖИВАЙ!*»

Ричи бросил взгляд направо и увидел угол дома на расстоянии плевка.

– Не подходи! – крикнул он, а затем изо всех сил побежал.

Ричи завернул за угол, как хулиган, который вырвал сумочку у старушки, за которым гнались полицейские. Все вокруг него заполнилось хлопанием крыльев и криками черных птиц, и он ослеп. Пальцы босой раненой ноги с хрустом врезались в шершавый бетонный выступ. Застрявший ноготь на ноге оторвался, а кость на большом пальце сломалась. Ричи вскрикнул и рухнул на землю, как ему показалось, уже в сотый раз за эту ночь.

Обливаясь потом и тяжело дыша, с бешено колотящимся сердцем, он сел и схватился за поврежденную ногу, умоляя о минутной передышке, потому что не знал, сможет ли продолжать.

Две вещи заставили его снова двигаться. Первая – наклонная двойная дверь подвала, возвышавшаяся на фут над землей, о которую он споткнулся, когда убегал. А вторая, гораздо более тревожная – скорость, с которой существо двигалось к нему по выбеленному луной, заросшему сорняками лугу. Птицы, почувствовав конец, все как одна поднялись в

воздух, заслоняя лунный свет, открывая существу свободный путь к бедному, побитому Ричи.

«Так оно правда надо мной издевается»,— рассеянно подумал он, осознав это до конца, как только увидел истинную грацию и силу гибкого существа; оно ведь с легкостью могло настигнуть его в любой момент.

— Пожалуйста,— раздраженно закричал он; казалось, каждая часть его тела была сломана или окровавлена. Он подумывал сдаться, но его отравленные наркотиками органы взбунтовались от последнего выброса адреналина.

— Иди на хер! — всхлипнул он (получилось «Дь ах!») и в ужасе пополз в подвал.

Рывком распахнул одну дверь, увидел лишь темноту и без колебаний бросился в нее всем телом, захлопывая дверь за собой, а само тело, словно сломанная кукла, скатилось по нескольким каменным ступенькам и упало внизу кучей. Холодная грязь прилипла к лицу, и пока он бормотал сдавленные молитвы, попала на губы и язык.

Ричи не слышал, как за его спиной открылись двери подвала, но это было не важно. Он потащился вперед, обернувшись лишь один раз.

Существо над ним было черным на фоне синей ночи, широкий серебряный глаз луны наблюдал из-за плеча, как оно спускается. Ричи пополз на локтях, добравшись только до ближайшей стены, где принял сидячее положение, прислонившись спиной к потрескавшемуся грубому бетону. Его

влажное дыхание участилось, а желтые глаза становились все ближе.

Он не умолял. Он просто хотел, чтобы все поскорее закончилось.

Тварь присела у его ног. С затененного лица донесся слюнявый, чирикающий звук. Она заползла ему на ноги, и Ричи даже хватило сил осознать, насколько она была *тяжелой* для чего-то такого тощего. Длинная черная конечность вылезла из-за двух подвижных пластин и согнулась под острым углом.

Без предупреждения эта конечность быстро и резко опустилась вниз.

Левая коленная чашечка Ричи раздробилась.

Он закричал, и существо снова подняло и опустило согнутую конечность, разбив кость другого колена с *треском*, который, казалось, заполнил темное земляное помещение, как фейерверк. Ричи мог бы потерять сознание от боли, если бы мет, бьющий в сердце и мозг, не заставлял его бодрствовать и проживать каждый ужасный, мучительный момент. Тварь заползла к нему на колени, на теперь согнутые и сложенные ноги. Она схватила его за руку и выплюнула что-то сначала теплое, а затем обжигающее на кожу внешней стороны запястья. Ричи вскрикнул, когда плоть на его руке начала плавиться, будто тварь плевалась кислотой. Она прижала запястье к стене, где плоть прилипла из-за нечеловеческой эпоксидной смолы и липких остатков его собственной кожи.

Тварь повторила то же самое с другим запястьем, и теперь руки Ричи были раскинуты, как крылья, а голова повисла на шее. Из глубины его тела вырывались надтреснутые рыдания, наполняя рот кровью и мокротой.

Существо встало с ног Ричи. Длинная овальная раковина, закрывавшая переднюю часть, раздвинулась, как занавески, и оно издало пронзительный, радостный звук. Темные веки затрепетали над желтыми глазами в чем-то вроде экстаза. Тварь схватила Ричи за волосы и прижала голову к стене; его разбитое лицо и тусклые глаза смотрели прямо перед собой. Существо рванулось вперед. Что-то твердое и толстое втолкнулось Ричи в рот.

И проталкивалось дальше.

Ричи выпучил глаза, когда кости в его вытянутой челюсти хрустнули, а рот невероятно удлинился, пока какая-то часть существа проталкивалась глубже в горло. Он больше не мог ни кричать, ни дышать. Он не мог сделать ничего, кроме как биться в конвульсиях, когда толстые мышцы существа дернулись, и поток обжигающей жидкости хлынул, как горячее, кишащее паразитами море, в его горло.

Закончив, тварь выбралась наружу, а потом медленно устроилась поудобнее, чтобы понаблюдать, и ее горчичные глаза счастливо светились в темноте подвала.

Ричи так и не понял, умер он от утопления, удушья или шока. Но он правда умер, и это к лучшему. Теперь он не чувствовал, как личинка – новый организм, вселяющийся в его

еще теплую плоть,— набухает, как жиреющая пиявка, кор-
мясь в глубинах его внутренностей. Новая жизнь пожирала
кровь и свежие органы, прежде чем медленно заскользить
вверх, проталкиваясь мимо кишок, мимо легких, мимо сердца.
Вверх по шее и, наконец, к основанию мозга, где и обос-
новалась.

Существо проворковало что-то материнское и, пересекая
комнату с низким потолком, поднялось по лестнице в про-
хладную ночь, чтобы собрать все необходимое.

Снаружи лесные птицы ожили предрассветным пением,
и старое, обветренное лицо дома осветилось тускло-оранже-
вым светом нового дня, не обращая внимания на монстров,
что затаились глубоко в его чреве, и не подозревая о других,
которые вскоре придут к своим друзьям.

Часть третья: Уборщик

1

Утреннее небо было того же оттенка, что и дымчатый «камаро», проезжающий под большим зеленым знаком и похожий на стареющую акулу. Светоотражающие белые буквы знака мерцали в свете фар автомобиля: «ДОЛГОСРОЧНАЯ ПАРКОВКА».

Лиам въехал на стоянку – десятиэтажное, почти неохраняемое строение, расположенное на окраине международного аэропорта Сан-Диего, освещенное тусклыми желтыми лампами. Автомат на входе выплюнул талон. Камеры слежения зафиксировали номерной знак (один из нескольких, что валялись в багажнике), и полиция в конечном выйдет на красную «хонду» со стоянки мотеля «Дерево Джошуа», через который он проезжал по пути на побережье. Но к тому времени работа уже будет закончена, а сам Лиам будет пить мескаль в Пуэрто-Эскондидо.

На верхнем этаже парковки он заметил фургон, который и должен был найти. Мужчина проехал мимо, не сбавляя скорости, сделал поворот и спустился на два этажа вниз, прежде чем нашел место, чтобы избавиться от «камаро».

Десять минут спустя он встал на белом фургоне рядом с

практически таким же автоматом, что стоял при въезде. Лиам вставил билет, который взял при входе, и шлагбаум плавно поднялся.

Деньги не списались.

В полумиле от аэропорта Лиам воспользовался телефоном, привинченным к белой кирпичной стене заправочной станции. В нескольких футах сбоку на двери туалета красовался белый силуэт мужчины, частично прикрытый выцветшей наклейкой от газировки. Дверь распахнулась, когда слышались гудки.

Лиам повернулся спиной, пока старый бездомный вышел и прошмыгнул мимо, оставив за собой удушливо-сладкий аромат мыла, пота и мочи. Когда мужчина зашаркал прочь, Лиам опустил взгляд на потрескавшийся тротуар.

– Как раз вовремя, брат,– произнес рокочущий голос. Теплый пластик, прижатый к уху Лиамы, передавал значимость и сырую близость слабого одобрения Джима.

– Еще бы. Все хорошо?

– Да, чувак. Все хорошо. Ты только приехал?

Лиам вытер пот со лба. Он смотрел на светлеющий горизонт и гадал, как далеко отсюда океан. Ему ужасно хотелось его увидеть.

– Да, и до жути хочу немного поспать. Ехал всю ночь.

– Ага, но есть дела, брат мой. Сроки поджимают, понял? Лайам кивнул и отвернулся от горизонта.

– Да. Во сколько?

Последовала маленькая пауза, и Лиаму стало интересно, хмурится ли Джим, улыбается или вообще не слушает.

– Восемь сорок пять. Где обсуждали. Забери по дороге Грега. Ты знаешь, где он ждет.

– В парке.

– Да. Если его не будет, проезжай мимо. Не жди, не звони. Понял?

– Понял.

С другого конца послышался тяжелый вдох, как будто частично от облегчения, а частично от напряжения.

– Ладно, супер,— ответил Джим.— Не облажайся.

И звонок прервался.

– Ага,— угрюмо промычал Лиам неприятному пisku из трубки. Он повесил ее на место и подумывал припарковаться и поспать пару часов. Потом ему пришла мысль поискать какой-то бар. Затем он вспомнил рокошущий голос Джима.

Не облажайся.

Лиам вздохнул и направился к фургону. Залез внутрь и уставился через лобовое стекло на медленно светлеющее небо. Вдалеке кружили чайки, прямо как пепел, уносимый ветром.

Лиам проанализировал свое нутро на наличие дурного предчувствия, присмотрелся к отдаленному красному свету в подсознании, искал покалывание шестого чувства.

В конце концов, дело было сложное. *Грязное.*

Похищение ребенка.

Все может плохо обернуться.

Но нутро Лиама чувствовало себя прекрасно, никаких красных флагов не наблюдалось, а шестое чувство было вялым и сонным, каким и он сам. А потом в животе заурчало совсем не от волнения. Мужчина опустил окно и на мгновение замер, чтобы вдохнуть соленый воздух.

Океан совсем близко.

Он печально улыбнулся и завел фургон. Лучше поехать на восток, найти, где поесть. А потом он припаркуется, попробует немного вздремнуть, заедет за Грегом и...

...и схватит ребенка.

Лиам нахмурился, опустил взгляд на спортивную сумку на полу между двумя передними сиденьями. Он подумал о заряженном пистолете, завернутом в клеенку. А потом задумался, убил бы он ту девушку в мотеле, если бы она побежала за ним?

Он потер глаза, внезапно поникнув от изнеможения.

Несколько мгновений спустя фургон выехал с заправки, и Лиам начал искать приличное кафе, где можно выпить чашечку кофе и плотно позавтракать.

В конце концов, сегодня важный день.

Генри проткнул желтые глаза, уставившиеся на него с тарелки. Он наблюдал, как они лопаются и растекаются по белкам, заливают картофельные оладьи, тянутся остывающими щупальцами к бекону.

– Похоже на желтого осьминога.

Мэри села напротив него, и он почувствовал ее недовольство. Мальчик решил не отрывать глаз от тарелки. Он намазал немного желтка на хрустящие картофельные оладьи и отправил их в рот вилкой. Жуя, он осмелился взглянуть на Мэри, надеясь избежать упрека. Ему бесчисленное количество раз говорили не играть с едой, но ведь так весело разламывать мясной рулет на куски (а потом кидать их в гору картофельного пюре) или накручивать спагетти на вилку, пока у него не получится рулет из лапши толще бейсбольного мяча (ну, около того), а в данном случае – притворяться, что выковыриваешь глаза из яичницы.

Мэри выглядела так, словно все же хотела напоминать о том, что так делать нельзя – ее цвета были яркими и красными, как у пожарной машины, – и тут Дэйв вошел на кухню, натягивая куртку и буквально бросаясь к дымящейся кружке, терпеливо стоявшей рядом со все еще кипящим кофейником.

– Мы рано даем показания, – сказал он, стащив один тост

с тарелки Мэри и яростно откусывая его между глотками горячего кофе.

— А потом ты гадаешь, откуда у тебя проблемы с желудком,— пожурила она, переводя все недовольство с Генри на мужа, за что мальчик был безмерно благодарен. Они продолжили болтать, пока Генри сосредоточенно доедал свой завтрак, но аппетит пропал, и разбитые глаза яичницы внезапно стали напрягать, а не смешить.

Голос шепнул на ухо, что лицо, которое он видел на своей тарелке, выглядело вполне правдивым, и эта самая правда скоро его настигнет.

«*Какая правда?*» — спросил он, надеясь, что голос не ответит. Даже не услышит вопроса.

Но ответом послужило ощущение сильной боли, самой бездонной печали. Лицо на тарелке — такое разбитое, с этими выпученными глазами — внезапно превратилось в другое. В *настоящее*. В знакомое, детское, и его глаза тоже были искусаны, съедены, но истекали не желтым, а красным...

— Генри? Ты слышишь?

Генри осознал, что задержал дыхание, и тогда громко выдохнул — так, словно вынырнул из бассейна после того, как держался без воздуха так долго, как только мог, с резким *фух!* из глубины внутренностей, за которым идет новый вдох, наполняющий кровь жизнью.

— А?

Дэйв и Мэри оба странно на него смотрели, с такой свое-

образной заботой; не с желанием защитить – например, когда у твоего ребенка появляется влажный, неприятный кашель, – а скорее оборонительно. Так бывает, когда ваш ребенок читает мысли, прислушивается к чувствам и впитывает их, как губка впитывает пролитую бутылку с флуоресцентными чернилами.

– Все хорошо, – сказал потом Генри и попытался улыбнуться.

– Ты вспотел, – заметила Мэри.

– И ты весь серый как привидение, дружок, – добавил Дэйв.

Генри все же решил проверить, вопреки своему желанию. Аккуратно. Чтобы узнать только те чувства, что были на поверхности.

Яркие цвета, плавающие, как рыбы в пруду, кружились внутри них. Вспышки других цветов – ярко-красных и черных прожилок, цветов, которых не знал никто, кроме самого Бога, – маячили, как флаги, выкрикивая чувства, которые его разум переводил в понятные ему слова.

«Хрупкий», – услышал он.

Больной.

Взволнованный.

Поврежденный.

Сломанный.

Потерянный.

Бедный мальчик... О, бедный мальчик... Он меня слы-

шит?

Он сейчас читает мои мысли?

Генри резко встал и за лямку схватил с пола рюкзак, а потом перекинул через плечо.

— Все хорошо. Мне пора.

Дэйв и Мэри, казалось, на мгновение застыли с ничего не выражающими лицами... а затем они снова зашевелились. Словно волшебные часы остановили время, и какая-то высшая сила повернула циферблат, перемотала, а потом отпустила.

— Я отвезу тебя, дорогой,— сказала Мэри, ища ключи.

— Давай я, мне все равно пора,— сказал Дэйв и поцеловал Мэри в щеку.

Но Генри уже был в дверях. Сегодня никаких объятий. И никакой помощи. Иногда лучше быть одному, даже если грустно. Или если ты очень потерян. Или, возможно, если ты и правда сломан. Ведь кто полюбит разбитую куклу?

Никто.

— Я пройду,— сказал он, снова попытавшись улыбнуться, и вышел на улицу.— Люблю вас! — крикнул он и быстро спустился к траве на передней лужайке.

Мальчик услышал, как за ним открылась дверь, почувствовал там Мэри и Дэйва. Они наблюдали.

— Генри,— позвала Мэри, но он не обернулся, а просто поднял руку.

— Я пройду через парк! — закричал он, пока по щеке тек-

ла слеза.

Мэри смотрела, как Генри переходит улицу. *«Ну, хотя бы посмотрел в обе стороны»*,— подумала она и позволила себе порадоваться, что они, как родители, хоть в *чем-то* преуспели.

Он такой маленький. Деревья в парке возвышались над ним, голубое небо было чудовищным полотном, а он сам — всего лишь мазок большим пальцем вниз. У нее мелькнула иррациональная мысль, что мир может в любой момент без предупреждения поглотить Генри целиком. Сожрать его. Он исчезнет, и даже птицы на деревьях или жуки в грязи этого не заметят.

Мэри почувствовала руки Дэйва на своих плечах и поняла, что он тоже наблюдает за мальчиком.

Женщина с удивлением осознала, что сжимает руки в кулаки, и заставила себя расслабить пальцы, прежде чем попрощаться с мужем. Целуя его в губы, она подумала про себя, что если мир хотя бы пальцем коснется головы этого мальчика, то почувствует всю силу и мощь ее ярости.

И пусть побегутся те, кто столкнется с материнским гневом.

Фред вышел через служебную дверь пристройки к школьному складу и направился через большую мощеную площадку. Он заметил, как директриса, мисс Терри, направлялась к административному корпусу. Ее взгляд упал на него, и она повернулась с широкой улыбкой на лице. Он повернул голову и мельком увидел бледного Джима Хоукса, выбегающего из кафетерия по направлению к южному коридору.

Фред остановился, изображая замешательство. Он демонстративно похлопал себя по карманам, будто искал в них ключи, бумажник или просто оправдания.

– Привет, Фред,– жизнерадостно поздоровалась директор, и ее улыбка рассеяла его напряжение.– Что-то потерял?

– Здравствуйте, мисс Т-Т-Терри,– пробормотал он и криво улыбнулся в ответ, не сводя глаз с ее переносицы, подальше от тела, которое так усердно изучал, когда она отворачивалась.– Нет, мэм, просто проверял. У вас утреннее объявление?

– Да,– ответила она и опустила взгляд на стопку белых бумажек в руках.– Звонок вот-вот прозвенит, мне надо бежать.

Фред кивнул и, приоткрыв рот, почесал щеку.

Мисс Терри уже повернулась, но вдруг остановилась и бросила на мужчину рассеянный взгляд.

– С пристройкой все хорошо?

Лицо Фреда вспыхнуло, и он отвернулся, чтобы посмотреть в сторону площадки, откуда пришел, просто для того, чтобы избежать ее взгляда. Эта зона была «ТОЛЬКО ДЛЯ АДМИНИСТРАЦИИ» и всегда запиралась, оттуда обслуживающий персонал попадал в здание склада, доставлял еду в кафетерий и вывозил мусор.

– Да, мэм. Проверял мусорные баки. Мистер Фэрроу сказал, что видел там крысу, вот я и подумал, что надо п-п-проверить.

– Только не забудь, что у нас собрание, – сказала мисс Терри строго, но все же с теплом. – Надеюсь, трибуны уже готовы.

Ванде Терри нравился Фред. Вся школа скорбела, когда бедного мистера Тафферти нашли мертвым в квартире, где его убил вор. Она считала его кем-то вроде отца: он был ее доверенным лицом, когда она впервые возглавила администрацию школы, рассказывал ей о причудах разных преподавателей, которые работали здесь еще до нее. Но с Фредом ей очень повезло, мисс Терри была рада сотрудничать с программой ветеранов-инвалидов, которая предоставила ей такого человека – здорового, молодого, он мог выполнять вдвое больше работы, чем пожилой мистер Тафферти (упокой Господь его душу). Фреду было трудно найти работу из-за ментальных проблем, которые последовали после ранения в голову во время службы их великой стране. Во многих отношениях он был подарком свыше.

Но.

Было в нем что-то *такое*. Мисс Терри не могла назвать это чувство или даже оправдать его.

«Все ты прекрасно можешь, Ванда. У тебя от этой зверюги кровь стынет в жилах. Он может своими большими руками разmozжить ребенку голову, а то и похуже. И кто знает, какие мысли проносятся в этом странном уме? Что будет, если коробка передач в его мозге вдруг перейдет на первую скорость?»

– Не волнуйтесь. Я все мигом сделаю,— ответил Фред с простодушной улыбкой.

Ванда улыбнулась в ответ и изо всех сил старалась отогнать свои переживания, сосредоточившись на обращении к школе – это ее любимая часть дня.

– Скажи, если что-то не так. Крыс нам точно не нужно. Родители будут в ужасе.

– Есть, мэм,— сказал Фред, развернулся и ушел.

Ванда некоторое время смотрела ему вслед, а затем вытащила уборщика из головы, как засохшую жвачку из-под стола, и выбросила подальше. По кампусу пронесся первый звонок, значит, у нее осталось всего пять минут, чтобы добраться до кабинета и собраться с мыслями.

В спешке она не заметила ожидавшего полицейского у дверей административного корпуса. А еще своего помощника, мистера Уорти, который стоял рядом с серым лицом.

Громкий звон утреннего звонка разнесся по полупустым коридорам, и от этого резкого пронзительного звука у Генри сомкнулась челюсть. *Это даже не звонок, это какая-то сирена, вроде той, когда ты облажался в игрушечной операции, и у человека нос мигает красным.*

Генри вытащил учебник истории и захлопнул шкафчик. Он быстро оглядел длинный коридор, отполированный до зеркального блеска пол, сотни шкафчиков по бокам, застывшие, словно солдаты. Генри не заметил и следа Томми или его приятелей и молился, чтобы их месть все же обошла его стороной. Он вспомнил давний урок в воскресной школе, и пока он бежал на урок, в голове промелькнула картина крови ягненка, размазанной по его шкафчику.

Генри толкнул дверь, когда мисс Джонсон записывала мелом первое задание на доске. Он бросился к своему столу и плюхнулся на прохладную пластиковую поверхность стула как раз в тот момент, когда по классу пронзительно пронесся второй – и последний – звонок.

Генри вспотел, сердце бешено колотилось. Он ненавидел опаздывать, но дорога до школы заняла больше обычного, потому что он постоянно проверял, не выскочат ли хулиганы из-за каждого дерева или припаркованной машины, чтобы врезать ему по лицу сжатым белым кулаком. Мальчик празд-

но размышлял, как бы поступил в такой перепалке. Стойко бы принял удар? Или сопротивлялся бы? Ему нравилось думать, что он выложился бы на все сто, но тоненький голосок в глубине сознания нашептывал другой, более вероятный сценарий: *«Ты бы убежал, как трус»*. И Генри, вспоминая, как хулиганы кинули ему в зад камень, вынужден был согласиться.

– Откройте учебники, пожалуйста, – сказала мисс Джонсон, не отрываясь от записей мелом на большой зеленой доске.

Генри вздохнул, попытался выкинуть из головы страх и тревогу и замедлить биение сердца, а потом открыл книгу.

Дверь в класс открылась.

Генри рефлекторно поднял глаза. И замер.

Джим Хоукс, великий метатель камней, знаменитый коллега мистера Мусорного Томми Пэтчена, стоял в проеме с бледным мокрым лицом.

Он смотрел прямо на Генри.

– Джим?

Джим дернулся, как от пощечины, широко раскрыв глаза, и тупо уставился на приближающуюся фигуру мисс Джонсон, словно недоумевая, что она тут делала.

Мисс Джонсон протянула руку, и Джим молча дал ей сложенную розовую записку. Дети заерзали на своих местах. Все знали, что в этом семестре Джим помогал в офисе, а это значило, в этой самой розовой записке таилось имя одного

везучего или, возможно, *невезучего* ученика.

Учительница небрежно забрала записку у Джима, а затем повернулась к классу. Генри наблюдал, как разворачивается листок, а потом снова перевел взгляд на Джима, который продолжал сверлить Генри стальным взглядом.

«*Он радуется?*» – задумался Генри и уже собирался проверить, что именно было у Джима на уме, когда услышал свое имя.

– Генри, – сказала мисс Джонсон.

Генри снова обратил внимание на учительницу, и внутренности сжал необъяснимый страх. Пока мисс Джонсон шла к нему между рядами парт, он боковым зрением увидел, как закрылась дверь в кабинет. Но теперь ему было не до Джима, его странного животного взгляда и полуулыбки, ведь мисс Джонсон спокойно положила записку ему на стол.

Он тупо уставился вниз, когда учительница попросила Бет Данчиско, худенькую рыжеволосую девочку с таким количеством веснушек, что они могли бы сравниться с усыпанным звездами небом, прочитать вслух с начала 126 страницы учебника.

Монотонный рассказ Бет об известной битве при Шайло во время Гражданской войны был подобен отдаленному жужжанию в ушах Генри, пока он разворачивал бумажку. Сверху жирным шрифтом было напечатано «ПРОПУСК», а под ним – стандартные категории: «ЗАПРАШИВАЕТСЯ УЧИТЕЛЬ, УЧЕНИК, КЛАСС», а потом «ВРЕМЯ». Судя

по всему, учитель английского, мистер Годинес, хотел поговорить с ним в 8:45 в 14 кабинете, куда Генри обычно ходил на четвертый урок.

Генри взглянул на часы: 8:40.

Пока он медленно, почти в трансе собирал свои вещи, чтобы покинуть класс, биение его неутомимого маленького сердечка снова начало ускоряться.

Несмотря на свой дар, он не мог придумать ни одной причины, по которой ему было бы, из-за чего нервничать.

Или, уж тем более... *бояться*.

Белый промышленный фургон без опознавательных знаков притормозил на Госсамер-стрит, мигнул красным сигналом поворота, а затем резко повернул направо, на Харкер-лейн, тихую полосу пригородной улицы, проходящую за начальной школой «Либерти». На унылой Харкер-лейн не было ни одного дома, потому что с одной стороны стояла школа, а с другой – густая роща городских еще не выросших деревьев. Узкий переулок заканчивался крутым поворотом, который выводил обратно на Госсамер, превращая улицу в не более чем едва проторенный объезд, которым пользовались в основном учителя, мусоровозы и фуруны доставки – мало чем отличающиеся от того, что сейчас ехал к школе по потрескавшемуся, усыпанному листьями тротуару.

Вместо того, чтобы направиться на главную парковку школы, где обычно регистрируется водитель доставки, прежде чем попасть на территорию, этот фургон остановился у закрытого въезда на узкую, почти скрытую от посторонних глаз асфальтированную подъездную дорожку, которая вела в затененный альков школы, куда никто не ходил.

Мужчина в невзрачном синем комбинезоне открыл пассажирскую дверь фургона, подошел к воротам и снял с защелки незакрепленную удлиненную скобу потрепанного замка. Толкнул ворота, и они плавно поплыли внутрь, пропус-

кая фургон на территорию между школьным складом и погрузочной площадкой кафетерия; дорожка заканчивалась у кирпичной стены, отделявшей переулочек от большой бетонной площадки для занятий. Осенним днем крики и смех детей эхом долетали до темного алькова; та стена служила защитным барьером между мирами радости и теней.

Мужчина прошел через проем, и фургон осторожно въехал за ним. Как только машина проехала, он закрыл ворота и снова повесил замок, который не стал закрывать, а оставил пока что открытым.

Фургон встал рядом с двумя коричневыми мусорками, сгорбившимися в утренней тени здания. Мужчина в комбинезоне скользнул обратно на пассажирское сиденье, что-то сказал водителю и тихо закрыл дверь. Водитель кивнул и посмотрел на часы.

Было ровно 8:45.

– Мистер Годинес?

Генри зашел в 14 кабинет, не зная, чего ожидать. Пока он шел, коридоры были пусты. Почти все дети были на занятиях и там и останутся еще около двадцати минут, пока не прозвонит звонок, и тогда коридор взорвется хаосом, голосами и дребезжанием дверей шкафчиков. Генри не знал, почему мистер Годинес вызвал его, да еще так срочно, но решил, что это как-то связано либо с недавним эссе, либо с Томми Пэтченом и его командой. Может, он слышал о том, что за Генри гнались. Или что-то *увидел* и только потом понял, что Генри в опасности.

Или, может, дело вообще не в этом.

Чего Генри никак не ожидал, особенно после того, как его вытащили с урока всем известным розовым пропуском, так это увидеть пустой класс.

Свет был включен, и единственная дверь, ведущая в кабинет и из него, не была заперта, но мистера Годинеса внутри не было. Что еще более странно, не было никаких признаков того, что учитель вообще туда заходил. Ни полупустой кофейной чашки на столе, ни кожаной сумки, перекинутой через спинку стула, в которой всегда лежали две-три книги, которые мужчина читал и иногда предлагал ученикам, гордо и взволнованно хвастаясь любым романом или потрепанным

томом по науке или философии, что поглотили его сознание.

Генри молча стоял у учительского стола, думая, постоять ли еще или вернуться к мисс Джонсон, но тут из коридора донесся странный звук, такое повторяющееся эхо с внешней стороны стен кабинета.

Скряб... скряб... скряб... скряб... скряб...

Генри поискал источник звука, пока тот удалялся по коридору, изучил стену, отделявшую класс от этого шума – за первыми рядами парт, за большой доской объявлений с надписью «САМЫЕ ЛУЧШИЕ!», под которой висели эссе, которым мистер Годинес поставил высокие оценки. Генри на мгновение задумался, будет ли эссе, которое он сдал несколько дней назад, первым на доске, но затем быстро забыл об этом, когда неуловимый звук – этот странный, повторяющийся *скряб-скряб-скряб* – внезапно затих.

Прямо за дверью кабинета.

Генри отошел от стола, борясь с внезапным желанием спрятаться от того, что находилось в коридоре, от этой странной шумной штуки, что стояла по другую сторону тяжелой коричневой двери с крошечным окошком, которое по неизвестным Генри причинам было покрыто черными полосками. В этот момент мальчик пожелал – всем сердцем, – чтобы прозвенел звонок, и в коридорах зазвучали детские голоса, создавая желанный, нормальный, дружелюбный шум.

Генри подумал, что, может, за этой дверью скрывался монстр... существо, которому нужны его мозги и кровь...

или просто мистер Годинес (что более вероятно, признал Генри) опоздал на встречу с Генри? Сейчас он будет улыбаться и извиняться.

Дверь открылась, и Генри, который вдруг понял, что задержал дыхание, заставил себя выдохнуть, когда увидел, что в класс зашел совсем не монстр.

Но и не мистер Годинес.

В дверной проем въехала большая ржавая металлическая тележка. Генри моргнул. А потом чуть не рассмеялся.

Да это же тележка уборщика. Он узнал большой серый мусорный бак, желтый рабочий халат, свисающий сбоку, метлу и совок для мусора, торчащие из середины, словно мохнатая антенна.

Тележка медленно въехала в класс, и Генри теперь понял, что это было за *скряб*: ржавые колеса старой тележки. Он слышал их миллион раз, но по какой-то причине не вспомнил. Теперь, увидев тележку и услышав знакомый скрип, он почувствовал себя самым большим плаксой на земле. Подумать только, он испугался мусорного бака на колесах.

Потом он увидел Фреда. Улыбаясь, он зашел в класс с тележкой впереди, не сводя больших глаз с Генри. Как будто знал, что тот будет здесь молча стоять у стола и ждать его.

Какое бы облегчение ни испытал Генри, оно сразу испарилось, а вместо него плечи и шею сковало странное напряжение. Нелогичное, ведь он знал Фреда, они же вместе прошли через «то дерьмо» (как Генри несколько истерично окрестил

тот инцидент), но мальчик все равно почувствовал, как тело сжалось при виде широко улыбающегося здоровяка в сером комбинезоне; его глаза были прикованы к глазам Генри, а это чертово колесо так и продолжало визжать *скряб-скряб-скряб*, пока тележка катилась все глубже в класс.

Дверь за Фредом закрылась с тихим *щелк*, и Генри внезапно почувствовал себя – без всякой на то причины – *в ловушке*.

– Ну привет, Генри, – сказал Фред, и Генри непроизвольно сделал шаг за стол, будто тот был щитом между ним и любой опасностью, которая могла таиться в тележке уборщика со скрипучими колесами.

Или в самом уборщике.

– Привет, Фред, – ответил Генри, а затем добавил: – Я должен был встретиться с мистером Годинесом, но его здесь нет.

Фред кивнул и достал из кармана связку ключей. Пока Генри ошеломленно молчал, Фред повернулся, вставил ключ в замок над дверной ручкой и *повернул* его.

Генри даже услышал тихий *бам* задвигаемого засова.

– Зачем вы это делаете? – прошептал Генри, горячо выдыхая слова. Он как будто слегка отделился от реальности, словно поток ледяной воды хлынул по его венам в мозг, замораживая все инстинкты – способность быстро мыслить, реакцию бежать.

– Ты этого не знаешь, – небрежно бросил Фред, потянувшись в один из многочисленных карманов грязно-желтого

халата на боку тележки, такой мешочек, где обычно хранятся чистящие спреи, щетки и маленькие инструменты,— но в это время дня в кабинетах с 12 по 16 нет занятий. Весь этот конец коридора? — Фред пожал плечами.— Почти пустой.

Какая-то часть мозга Генри (медленно возвращавшаяся к работе, будто выключатели один за другим методично щелкали в положение ВКЛ) заметила что-то необычное в голосе Фреда. Он говорил не так, как обычно. Этот заторможенный, заикающийся, застенчиво-недалекий голос сменился на другой. На уверенный. На хитрый и опасный.

«*Черт*»,— подумал Генри; наконец, включились все переключатели, или, по крайней мере, большинство, и мальчик больше не думал о мистере Годинесе, который может спасти его и обсудить потом эссе об «Изгоях». Большой черный паровоз мыслей мальчика готов был с шумом проташиться по совершенно новым железнодорожным путям, а на бумажном билете, который пробил кондуктор, большими жирными буквами был проставлен штамп с одним и только одним пунктом назначения:

ПОБЕГ.

Фред медленно подошел к Генри, стратегически преграждая ему путь к двери. Генри заметил, что парты на его пути выглядели по сравнению с габаритами этого человека игрушечными,— безделушками, которые он мог легко отбросить, если Генри бросится к ним, чтобы добежать до двери, а жирные фиолетовые буквы на плакате теперь, казалось,

выкрикивали Генри предупреждение: «САМЫЕ ЛУЧШИЕ, ГЕНРИ! ПОШЕВЕЛИВАЙ ЗАДНИЦЕЙ, ИЛИ ОКАЖЕШЬСЯ САМОЙ ЛУЧШЕЙ ЖЕРТВОЙ, ПАРЕНЬ!»

Фред дошел до первого ряда парт, и Генри теперь увидел, что мужчина вытащил из кармана желтого халата.

«*Шприц*»,— понял он и на долю секунды вспомнил поход к врачу за прививкой от столбняка (тогда ему было всего девять, и, учитывая его прошлое, он больше *НИКОГДА* не хотел видеть ни врачей, ни шприцов, что и привело к совершенно неприятному опыту. Дядя Дэйв потом объяснил, для чего был сделан укол, дал ему название, будто это могло успокоить охваченный ужасом разум). И теперь вид пластикового поршня с острием на конце вызывал у Генри ту же самую тошноту, от которой сводило живот. Теперь можно было не думать, что здесь происходит и что ему нужно делать. Остался лишь один вариант — бежать.

Но сначала я узнаю, о чем ты думаешь.

— Я буду кричать,— сказал Генри, используя угрозу как отвлекающий маневр, пока мысленно *тянулся* к уборщику; невидимый черный глаз широко раскрылся в нетерпении.

Фред рассмеялся, разум Генри достиг цели, и его затопили мысли этого человека: темные, ужасные, обманчивые.

Опасные.

Цвета, кружащие в его сознании, были чернее могилы, но почему-то яркие, словно заряженные энергией и живые. «*Порочные*,— перевело сознание Генри. А потом уточнило: —

Смертельные».

БЕГИ.

Генри выскочил из-за стола и бросился к запертой двери. Он кричал на бегу, но все равно слышал, как парты врезаются друг в друга, пока их небрежно раскидывает в стороны разгневанный гигант.

Та же самая рука схватила Генри за шкурку и дернула назад. Вторая прошмыгнула дальше, словно большой паук, чтобы закрыть рот, когда мальчик закричал так громко, как только мог, в большую горячую ладонь, накрывшую его лицо от подбородка до скулы.

«СТОЙ!» – скомандовал его разум, и на долю секунды рука на лице слегка разжалась, будто внезапно почувствовав неуверенность, будто испугавшись. Генри яростно замотал головой.

– Ах ты маленький говнюк, – сказал мужчина незнакомым для Генри голосом – это был голос вовсе не Фреда-уборщика, а кого-то, с кем Генри встретился впервые.

Потом длинные, сильные пальцы крепко сжали его щеки, что-то твердое и острое вонзилось ему в шею, и цвета в его сознании разорвались в клочья – этикие неразличимые остатки утраченных эмоций и разбитых мыслей.

Глаза Генри остекленели. Дверь в класс расплылась, его мозг затуманился, а тело онемело.

У уха раздалось горячее дыхание, в котором скрывался шепот:

– Тихо.

И тело Генри подчинилось. «*Тихо*»,— мысленно повторил он про себя; этот звук походил на радиосигнал с далекой звезды. А затем мир потемнел, в ушах зазвенел белый шум, в глазах затанцевали круги, как будто фейерверк за закрытыми веками... а потом все погасло. Он упал в объятия уборщика и будто со стороны почувствовал, как его поднимают в воздух.

Белый шум оборвался, словно щелкнули выключателем. Его тело освободилось от чувств и ощущений. Он плыл по мертвому, приглушенному пространству.

«*Папа*»,— подумал он. Тихая, слабая мольба. Крик об утешении, о помощи.

Ответа не было.

Завеса сознания сорвалась, и Генри упал.

Поплыл в темноту, в тяжелую тишину, через бесконечную бездну внутреннего пространства.

Фред выкатил тележку через деревянные двойные двери, отделяющие прохладный выложенный плиткой коридор от усиливающейся жары бетонного школьного двора. Серый резиновый мусорный бак дребезжал и терся о покрытый ржавчиной металлический круг, который удерживал его внутри. Если бы у кого-то возникло желание открыть крышку и заглянуть внутрь, он увидел бы черную пластиковую прокладку и огромную кучу грязных тряпок. А если бы тот же самый любознательный прохожий приподнял тряпки, то с удивлением обнаружил бы макушку мальчика. А дальше – руки и ноги, свернутые в позу эмбриона. Этот прохожий мог бы подумать, каким маленьким выглядит мальчик, свернувшийся калачиком в баке. «Он же ребенок», – мог бы сказать он и, встретившись с темными, бездушными глазами Фреда, подумал бы о том, чтобы упрекнуть его, сделать выговор или призвать к ответу. «*Просто мальш*», – мог бы добавить он, прежде чем закрыть крышку и уйти. Возможно, прищелкивая языком от отвращения. Или покачав головой от ужаса.

Пока тележка, скрипя, проезжала по пустому двору по направлению к двери, ведущей в пристройку («*Пятьдесят футов*, – подумал он, – ...*сорок пять... сорок...*»), не подошел ни один такой прохожий. К изумлению уборщика (и к огромной радости), в поле зрения не было ни души. Все де-

ти и учителя распределены по классам. Директор (эта вездесущая сучка) и остальной административный персонал были загружены утренними обязанностями, а также несколькими офицерами полиции и детективом, которые спокойно и очень осторожно передавали информацию об ужасном убийстве ученика прошлой ночью. Детектив, женщина лет сорока пяти по имени Уайт, объясняла, что всего несколько часов назад в мусорном контейнере рядом с домом мальчика было найдено тело со сломанной шеей.

(Когда мисс Терри услышала это слово, она представила звук ломающейся кости, словно сухая ветка, о колено, и невольно подумала о гигантском уборщике, с которым столкнулась только этим утром. *«Помнишь, Ванда? Того, от которого мурашки по коже? Того, чьи огромные руки могут размозжить голову ребенку?»* Но эта странная мысль исчезла так же быстро, как и появилась, отброшенная как легкомысленная и несправедливая, родившаяся от отчаяния из-за осознания того, что один из ее детей был убит. А вместе с отчаянием возникло непреодолимое чувство неудачи, которое вскоре – где-то в течение пары часов – усилится во сто крат.)

Дворник остановил тележку, заставляя себя не оглядываться, чтобы проверить, не вышел ли кто из-за двери или не выглянул ли в окно. Он не хотел выглядеть виноватым. Он хотел выглядеть именно тем, чем он был. *Я лишь тупой уборщик, выношу мусор. Здесь не на что смотреть, ребята. Совсем.*

Фред широко распахнул дверь пристройки. Внутри было темно и прохладно, воздух был пропитан запахами удобрений, машинного масла и древесины. Он протащил тележку, бросил быстрый взгляд на открытый двор и ряд окон кабинетов за ним, никого не увидел и улыбнулся.

Раздался лязг, когда поднялась металлическая дверь.

Лиам и Грег коротко переглянулись, затем Грег выпрыгнул из машины и направился к задней части фургона.

Лиам наблюдал, как Джим выкатил тележку уборщика на приподнятую площадку погрузочной платформы. Грег распахнул задние двери фургона. Мгновение спустя Джим крикнул, снимая мусорный бак с тележки и убирая его в багажное отделение фургона. Фургон мягко покачнулся от нового веса, когда резина заскользила по тонкому ковру.

Лиам повернулся, чтобы посмотреть, как бак осторожно переворачивается на бок. Джим держал донышко бака и полосы солнечного света расчерчивали его руки, когда Грег снова сел в фургон, сунул руку в черную пасть бака и вытащил на свет сначала кучу тряпья, а потом маленькое, худое тельце; черный пластиковый пакет выскользнул вместе с ним, как чернильная околоплодная жидкость.

Лиам отвернулся и крепко вцепился в руль.

— Господи,— тихо сказал он и тут же напрягся, молясь, чтобы Джим не услышал.

Из задней части фургона послышался еще один шум: убрали бак, захлопнули дверцы, Грег поправил кузов. Лиам завел фургон и посмотрел в зеркало заднего вида. Джим открыл ворота и стоял рядом в ожидании.

– Я останусь тут с ним, сзади – тихо сказал Грег.– Ему скоро будет нужен еще один укол.

Лиам плавно повел фургон вперед. Выезжая на улицу, он выглянул в окно и увидел, как Джим неторопливо закрывает ворота и плотно их запирает. Затем здоровяк повернулся и медленно, почти небрежно направился к теперь уже пустому мусорному баку и ожидавшей его тележке.

Оказавшись на тихой пригородной улице, под навесом изогнутых ветвей столетних китайских вязов, Лиам прибавил скорость, все еще крепко держа руки на руле. Из-за его спины донесся тихий шепот Грега, разматывающего веревку, чтобы перевязать запястья и лодыжки. Взгляд Лиам метнулся к зеркалам, чтобы проверить, не гонится ли за ними полиция. Но он видел только пустую дорогу и ряд серых деревьев.

Через несколько минут Лиам выехал на автостраду, ведущую на север, и наконец заставил себя ослабить хватку на руле. Тяжелый вздох, застрявший в груди, с облегчением вырвался сквозь чуть сжатые губы. Он включил кондиционер на полную мощность, чтобы поддерживать в фургоне комфортную температуру. Лиам почти чувствовал, как южнокалифорнийское солнце давит на тонкую металлическую крышу и бока машины, просачиваясь внутрь, словно проклятие. *«Будет жарко»*, – подумал он.

А потом перестал думать и поехал в лес.

Часть четвертая: Дом в лесу

1

Генри летит.

Мчится по воздуху.

А воздух полон цветов.

Его конечности связаны и бессильны, плотно прижаты к туловищу, а тело со свистом, словно снаряд, проносится сквозь длинные, извивающиеся нити ярких цветов, по консистенции напоминающие дым. Ему страшно. Он знает, что конец близок, скоро его полет будет грубо и резко прерван лобовым стеклом припаркованной машины, которое разобьет ему голову, прольет кровь и переломает кости.

И тогда краски проникнут в меня. Они проскользнут через мою разбитую голову, как угри, рьяные и голодные. Все цвета мира просочатся в мой разум, и когда я открою глаза, я увижу то, что видят они, увижу цвета, которые волнуют людей, вибрации, которые говорят мне о чем-то, показывают мне мысли, чувства.

Сначала я подумую: Хватит.

Потом я подумую: Еще.

Генри только сейчас осознает – когда воздух стремительно проносится мимо лица, а ярко окрашенные пряди тонки-

ми жгутами касаются его щек и лба, прилипают к волосам, как пудра, цвета развеваются перед ним, как флаги, — что его глаза закрыты.

И вот, готовый стать частью реальности, он открывает их. Реальность оказывается плоской и унылой; пустая, размытая белизна. Бесформенная. Там нет никаких ответов.

Поэтому Генри снова закрывает глаза и смотрит *сознанием*.

Он чувствует двух людей. Очень близко. Их цвета варьируются от светлых до темных, от ярко-красных до затемненно-синих. Страх. Тревога. Ненависть. Смушение. Жалость. Стыд.

— Эй, кажется, пацан очнулся.

Генри снова летит. Но цвета больше не растворяются вокруг него, они проникают в уши, рот, нос, глаза. Цвета захлестывают, и это причиняет боль, хочется закричать, но грубая рука крепко сжимает его предплечье; бицепс пронзает острая боль. Жгучая боль.

Он чувствует, как его тело врезается в машину. В сознании происходит взрыв, цвета ярко вспыхивают — словно они загорелись — и горят ярко-белым огнем.

За этим почти мгновенно следует полная тьма.

Настолько плотная, что он чувствует себя погребенным под ней.

Дэйв старается не паниковать.

Он постоянно проверяет спидометр, чтобы убедиться, что не превышает, как безумец. В этом нет нужды.

«Доберись до дома и все реши,— подумал он, когда выехал из офисной парковки.*— Мэри преувеличивает, все хорошо. Это недоразумение. Генри просто не умеет общаться. Мы просто потом с ним все обсудим. Сядем и объясним, что надо обо всем говорить, чтобы мы не переживали.*

Не паниковали».

— Поговорю с Генри нормально. Это просто часть процесса, ему нужно научиться, вот и все,— сказал Дэйв вслух, когда съехал с шоссе на четырнадцатую дорогу, как делает каждый рабочий день.

Все нормально.

Это рутина.

— Не о чем переживать,— дополняет он свой предыдущий монолог, позволяя словам разноситься по салону автомобиля, успокаивая его, придавая энергии. У тревоги тоже есть ограничение скорости, и Дэйв во время движения проверяет все показатели — как на приборной панели, так и внутри себя. Чтобы все было под контролем.

Звонок Мэри в офис начался точно так же: спокойно.

Но пока она говорила — пока *объясняла*,— становилось

все хуже, ее эмоции взяли контроль над двигателем, и к тому времени, когда он повесил трубку, она была в истерике; именно Дэйву нужно было держать себя в узде. Не позволять эмоциям взять верх над машиной разума.

— Позвонили из школы, Генри пропал,— сказала Мэри. Ее голос звучал спокойно, но с оттенком истерики.

— В смысле пропал? Когда? — спросил Дэйв, не понимая собственных вопросов, но не в состоянии придумать что-то еще.

— Они не знают,— ответил Мэри, начиная нервничать.— Он так и не пришел на второй урок. И его *нигде* нет, они искали, и я пришла домой, тут его тоже нет, и я не знаю, может, он прогуливает, но он никогда, *ни разу* не прогуливал! Дэвид...

Дэйв взглянул на часы на своем столе. Они показывали 16:35. Занятия закончились полтора часа назад, и если Генри потеряли со второго урока, значит...

— Его нет с девяти, и нам никто не сказал? — спросил он спокойно и рассудительно (хоть и с ноткой обвинения). Через секунду на него навалил стыд, и он быстро продолжил.— В смысле, Мэри, когда они позвонили? Прости, но...

— Где-то двадцать минут назад. Я хотела сначала зайти домой и проверить, только потом звонить тебе... Учительница сказала, что его вызвали, и другие учителя просто решили, что он с кем-то, и не подумали... О боже, где он, Дэвид?

«Его нет почти восемь часов»,— понял Дэйв.

— Сейчас приеду,— сказал он спокойнее, чем чувствовал

себя.— Мэри, позвони пока в полицию.

Пауза. Затем.

— Я уже звонила. Они едут,— Мэри тихо заплакала.— Пожалуйста, Дэвид... пожалуйста, приезжай.

В течение пары минут он вышел из офиса.

Дэйв притормозил у последнего знака «стоп» между его работой и домом, того самого, с потрепанной наклейкой радиостанции, которая уже отклеивалась по краям — тот же чертов знак, на который он смотрел каждый день уже двенадцать лет; тот же знак, который делает перекресток между Паркер и Грэм безопасным как для семей, так и для транспортных средств, останавливая движение ради играющих детей, матерей с колясками или держащихся за руки парочек на вечерних прогулках.

Дэйв поворачивает голову, чтобы посмотреть на восток по Грэм-авеню, в сторону своего дома, как и всегда. *Все спокойно. Все под кон...*

— Боже правый,— вырывается у Дэйва при виде скопления машин на улице; его голос звучит на октаву выше обычного. Он немного удивляется, когда понимает, что его зубы впиваются в костяшки пальцев, а другая рука крепко вцепилась в кожаную обивку руля. Он начинает плакать прямо там, у знака «стоп» на углу Паркера и Грэма.

— О господи, пожалуйста, нет,— молится он, плачет и смотрит на свой прекрасный дом и полицейские машины, которые теперь припаркованы перед ним — заполонили подъезд-

ную дорожку и выстроились вдоль бордюра. «Один из них,— отмечает он в отчаянии,— черный седан без опознавательных знаков».

«Детективы,— думает он.— Как много. О господи, сколько их тут».

Дэйв шмыгает носом, напрягается, садится, вытирает глаза и берет себя в руки. Он слышит голос отца, который говорит ему *не распускать нюни, взять себя за яйца, быть мужиком.*

— Он прав, он прав,— бормочет Дэйв и на краткий миг задумывается, хорошо ли вот так разговаривать с самим собой.

Мозг подсказывает, что такое надо пресекать в зародыше. *Ну, что скажешь, шеф? Может, поступим правильно и будем держать эту срань в маленькой запертой коробочке без замочной скважины? Как тебе такое?*

Дэйв достает из бардачка несколько салфеток, сморкается и вытирает лицо. Проверяет глаза в зеркале, видит небольшое покраснение, но без паники. Никакой истерики.

— Хорошо,— говорит он, уже забыв предложение мозга.— То, что надо.

Он заставляет себя сделать глубокий вдох, выдыхает, а затем поворачивает направо, на старую добрую Грэм-авеню, по направлению к дому.

Дэйв паркуется дальше от своего дома, чем хотелось бы, но из-за полиции выбора не остается.

Маленький дом забит полицейскими. Незнакомые мужчи-

ны и женщины заполнили гостиную, кухню и столовую, все в накрахмаленных синих формах или поношенных костюмах. *И это не считая вооруженного копа у входной двери, который впустил меня в мой собственный дом, черт подери.* Полицейский у двери выглядел внушительно, и какая-то часть Дэйва не хотела даже приближаться к мужчине, чье лицо было застывшим и мрачным, а грудь казалась очень мощной из-за пуленепробиваемого жилета под униформой.

– Я Дэвид Торн, это мой дом? – сказал Дэйв так, словно задавал вопрос в надежде, что коп подтвердит информацию, которая была абсолютной правдой всего пару часов назад.

Он почти не узнал свой дом изнутри. Большинство полицейских были такими огромными, что едва влезали в тесный домашний мирок их семьи. Дэйв сразу замечает Мэри, съевшуюся на диване, прямо как ребенок среди взрослых. *«Как малыши с больным животом»*, – думает он. Она сидит, согнувшись в талии, скукожившись, ее руки сжаты в кулаки, ноги тревожно постукивают. Рядом с ней сидит женщина в костюме и задает вопросы. В соседнем кресле сидит крупный мужчина, тоже в костюме, и делает заметки. Некоторые полицейские смотрят на Дэйва, пока он проходит мимо, – кто-то с сочувствием, кто-то с враждебностью, – а потом возвращаются к своим делам, какими бы они ни были. Судя по всему, они все разговаривают друг с другом или слушают детективов, один фотографирует дом по неизвестной Дэйву причине, а другой сидит за кухонным столом и листа-

ет записную книжку Мэри, как будто читает хренов роман Диккенса. Два копа выходят из коридора, ведущего в спальню. Дэйв замечает, что на них латексные перчатки. Другой коп, прислонившись к кухонной раковине, быстро говорит в микрофон на плече.

Дэйв осторожно приближается к Мэри. Ему словно закнули уши, а комната кажется расплывчатой, как во сне. Разум работает медленно, и именно в этот момент Дэйв понимает, что он в ужасе.

В самом кошмарном ужасе.

«Так вот, каково это,— шокировано думает он,— быть настолько наполненным страхом, что тело аж немеет от тяжести. Сбивает тебя. Засовывает вату в те участки мозга, которые, наверное, закоротили бы от прилива ядовитого адреналина, запустили пыхтящие поршни, как перегретый двигатель. Хлоп, бам, пш-ш-ш. И конец игры».

Мэри поднимает глаза на Дэйва и начинает рыдать. Он бежит к ней, отталкивая стоящего на пути полицейского, больше не думая ни об оружии, ни о форме, ни о них самих.

– Ох, Мэри, что случилось? – спрашивает Дэйв и крепко обнимает ее, пока она плачет у него на плече. Внезапно ощущение спадает, и он начинает говорить и думать со скоростью миллион миль в час, потому что теперь все реально. Теперь нужно что-то *делать*.

Он утешает жену и пытается забыть то, что увидел на ее лице, когда она потянулась к нему. Абсолютный ужас про-

исходящего.

Тяжелая, мрачная реальность захлестывает их обоих, как холодная волна, и внезапно накатывает страх, резкий и четкий, громоподобный, смертоноснее молнии, и тогда они могут лишь держаться друг за друга. Держаться и не отпускать.

Позже.

Тьма, окутывающая его разум, рассеивается, как высохшая со временем черная вуаль. Когда Генри просыпается во второй раз, нет ни сонных образов, ни проживания трагедии вновь. На этот раз он все знает. Вспоминает уборщика, попытку побега, горячий укол в шею, падение в бессознательность.

По мере того, как Генри постепенно приходит в себя, первая команда, которую разум дает телу, — держать глаза закрытыми, дыхание ровным, а мышцы неподвижными.

Притворяться.

Собрать информацию.

Потянуться сознанием, но также слушать, вдыхать. Проанализировать и систематизировать фрагменты данных, которые получает тело.

Он шевелится; лежит, прислонившись к чему-то твердому и холодному. Запястья и лодыжки связаны. Руки покалывает, спина затекла. Шея и рука болят, пульсируют в том месте, где его ударили чем-то острым. Иглой. Но разум вроде бы прояснился. Наркотик растворился, отпустил его. Поэтому он слушает и тянется.

Генри слышит шум двигателя, но больше ничего — ни уличного движения, ни гудков, ни грохота грузовиков, ни ка-

ких-то других машин.

Цвета остались, но теперь они приглушены. Тревога уменьшилась. От двух мужчин исходит ритмичная пульсация; возможно, предвкушение. А еще усталость. Горчишно-желтая от напряжения.

Кажется, автомобиль едет медленно; дорога неровная, ухабистая.

Там холодно. Кожа покрывается мурашками, а тело безжизненно раскачивается на каждом ухабе дороги. Ледяные пальцы скользят по борту автомобиля, царапают тонкий металл...

Деревья.

Внутренности Генри пронзает страх, и его глаза – вопреки четким указаниям мозга – резко открываются.

– Эй, – говорит мужчина.

Генри не обращает внимания, садится прямо и часто дышит.

– Эй, тихо! – добавляет мужчина. Громче. Тревожнее.

Руки хватают плечи Генри и тянут назад.

– Куда вы меня везете? – кричит Генри, первый раз чувствуя истинный ужас.

Он в *лесу*, в полном одиночестве деревьев, и это резко противоречит его представлениям о доме, школе и улицах, к которым он привык; о знакомом мире. Это словно ударяет в лицо, выплескивается на передний план сознания с каждым медленным, трясущимся ухабом и выбоиной изрытой доро-

ги; с каждым мягким, колючим скрежетом веток по борту... *фургона!*

Это фургон!

— Все хорошо? — другой голос. Водителя. Генри не видит его, перед ним лишь тусклые задние стенки дверей фургона, без окон и света. Голос у водителя солидный. Жесткий. У него акцент...

— Да-да. Парень труханул. Как думаешь...

— Нет, не надо. Мы почти приехали. Пусть орет, если захочет.

Чьи-то руки впиваются ему в плечи, и тело Генри поворачивается так, что он становится лицом к лицу с первым говорившим.

— Даже не смей,— говорит он, и Генри морщится от вонючего дыхания. Как тухлый лук.

«Он уродливый»,— понимает Генри. Лицо перед ним затекшее и в красных пятнах. Брови и борода густые и черные, а глаза тускло-коричневые.

— Я не буду,— тихо хрипит Генри, и мужчина заметно расслабляется. Пальцы на плечах ослабляют хватку.

— Тогда ладно,— говорит он.— Умница.

Генри еще немного поворачивает шею, смотрит на переднюю часть фургона. Он видит затылок другого мужчины, а за ним лобовое стекло. Фары освещают движущуюся проекцию скученных призрачно-белых деревьев, за которыми нет ничего, кроме покрывала черного неба.

– Можно мне воды? – спрашивает мальчик.

Уродливый мужчина сначала смотрит на Генри, а затем качает головой.

– Почти приехали, парень, – говорит водитель со своим странным акцентом.

Генри вздыхает и позволяет себе откинуться на пол фургона. Он прижимает связанные запястья к животу и поворачивается на бок, спиной к уродливому мужчине, который воняет луком и не сводит с него глупых пустых карих глаз, будто ждет, что Генри сделает что-то плохое, что-то такое, что даст разрешение снова причинить Генри боль.

Генри закрывает глаза, стараясь не плакать. Он заставляет мысли сосредоточиться на данных, которые видит черный глаз. Мальчик тянется к мужчине рядом с собой и чувствует настороженность, а за ней глубокий красный океан ненависти, насилия.

– Папочка... мамочка... – шепчет Генри, – дядя Дэйв... тетя Мэри...

Он произносит имена тихо, чтобы мужчина его не услышал. Они помогают мальчику почувствовать себя лучше, унять страх и тревогу. Он произносит эти имена как молитву и надеется, что кто-нибудь ответит.

Дорога внезапно выходит на выбоину, и фургон так сильно опрокидывается, что тело Генри на мгновение взлетает в воздух, а потом ударяется об пол, сталкивая зубы.

– Ай! – кричит Генри.

– Господи, – говорит уродливый мужчина.

Водитель что-то проворчал. Генри перекачивается на живот, запястья сильно прижаты к животу, а ноги уже одеревенели.

Водитель резко поворачивает руль в одну сторону, затем в другую. Большая ветка появляется из ниоткуда и ударяет в лобовое стекло, и водитель так сильно бьет по тормозам, что уродливый мужчина падает на бок и катится по пустому салону, а потом ударяется о заднюю часть водительского сиденья, согнув шею и упершись руками в металлический пол.

– Твою мать, Лиам! – орет он. *Гнев и ярко-алый, прожилки темно-фиолетового.*

Большая ветка прижимается к ветровому стеклу, листья плотно прижаты к окну, как дети к витрине кондитерской.

Водитель – *Лиам, его зовут Лиам* – переходит на нейтральную передачу, выдыхает, а затем выпрямляется, чтобы получше рассмотреть все через лобовое стекло. Через мгновение он поворачивает ключ, и двигатель глохнет; нажимает кнопку, и фары гаснут. Тьма поглощает их целиком.

Пот стекает с лица Генри и по затылку. Тишина такая плотная, а темнота такая абсолютная, что он чувствует себя погруженным в черную, как ночь, воду.

Серебристый отблеск освещает лицо Лиама, когда он поворачивается к задней части фургона. Мысли этого человека – словно размытое пятно медленно меняющихся цветов, бурлящих и безрассудных. Бесцельных. Генри ничего не мо-

жет в них понять.

– Дальше пойдем пешком,— говорит Лиам.

– Пешком? – сердито спрашивает другой мужчина.— Почему?

Водитель не отвечает, только смотрит в лобовое стекло.

– Лиам! Отвечай. Почему мы... – говорит уродливый мужчина, встает на колени и тоже вглядывается в то, что застыло за стеклом. Спустя мгновение он спокойно садится.— Дженни здесь,— почти грустно заканчивает он.

Лиам открывает дверь со стороны водителя и начинает выходить.

– У Дженни не грузовой фургон,— говорит он и исчезает в ночи. Дверь за ним захлопывается, и Генри слышит шаги, направляющиеся к задней части фургона.

Уродливый мужчина ползет к дверям и открывает замок. Он распахивает одну дверь, затем другую. Мужчина, Лиам, стоит там и ждет, его темный силуэт вырисовывается на фоне окружающей ночи.

Генри чувствует руки на лодыжках, и его тянут к открытым дверям. Когда он беспомощно скользит в пасть незнакомцев, то чувствует самый сильный на свете страх.

В лесу так темно, опустилась ночь. Деревья так голодны, как им помочь?

Генри вспоминает этот стишок в ту секунду, когда его ноги ступают на грунтовую дорогу, по которой они ехали. Эту книгу читала ему мама, когда он был в детском саду, и хотя картинки в книге были яркими и жизнерадостными – деревья зубасто улыбались, пока вереница детей шла между ними к дому в лесу, – эти слова всегда ассоциировались у него с чем-то более зловещим, прямо как клоун, который сначала кажется милым и забавным, а потом всплывает во снах в качестве злодея. Вот как Генри видел деревья в той книге с рассказами: страшными. И хоть на иллюстрациях они казались счастливыми, с их черными глазами и деревянными зубами, он видел в них что-то порочное, возможно, даже злое.

И теперь, здесь в лесу, даже стоя на расстоянии вытянутой руки от этих странных, жестоких людей, Генри оглядывается по сторонам, осматривая окружающие его гигантские деревья, теснящиеся со всех сторон – изогнутые, узловатые ветви, грубую кору толстых стволов, рой листьев, покрывающих разветвленное гнездо арок, как растрепанные волосы безумного ученого. Деревья похожи на нечеткие фигуры, вышитые на тяжелой ткани черной ночи; те, что ближе всего к фургону, купаются в кроваво-красном свете задних фар, жуткое

свечение придает им еще более угрожающий вид. Генри кажется, что вся ночь опустилась под воду, в темное озеро, где деревья качаются прямо на поверхности, а все, что лежит глубже, — неизвестно и опасно.

Смертельно.

— Эй, — говорит мужчина и щелкает пальцами в дюйме от носа Генри.

Мальчик отводит взгляд от деревьев и поднимает глаза на затененное лицо водителя.

— Меня зовут Лиам. Но, думаю, ты уже понял. Судя по всему, ты умненький.

Генри ничего не говорит, его глаза снова возвращаются к красному свету на деревьях. *Я под водой.*

— Тебе надо поссать? — спрашивает мужчина, его голос как будто одновременно близко и далеко.

Генри задумывается, сосредоточиваясь на теле, а не на окружении, забывая на время о мыслях мужчин, и с внезапным приступом дискомфорта понимает, что ему действительно нужно в туалет, и очень сильно. Пока наркотик выветривается, а разум Генри проясняется (в этом несказанно помогает покалывающий кожу холодный воздух леса), он начинает понимать очень многое, а самое главное, что его тело (мышцы еще не восстановились и были напряжены) болит — ноют лодыжки и запястья, спина и шея затекли. И да, теперь, когда на чердаке все проясняется, становится совершенно очевидно, что из труб снизу вот-вот потечет.

Генри рефлекторно напрягает мышцы живота и борется с тем, чтобы не скрестить ноги и не схватиться за причинное место, комично демонстрируя, как *сильно* ему нужно пописать, раз уж мужчина ему напомнил. Не доверяя своему голосу, да и какая-то часть души все еще дорожит своей гордостью, мальчик просто кивает, но довольно энергично.

Лиам кивает в ответ, затем засовывает руку в карман и достает большой блестящий охотничий нож.

Генри рефлекторно дергается, защищаясь от лезвия.

– Не волнуйся, парень, – говорит Лиам. – Я просто освобожу твои руки и ноги. Подними запястья... да, спасибо.

Генри безучастно наблюдает, как Лиам разрезает белые веревки, скрученные вокруг запястий. Пока Генри трясет руками, пытаясь восстановить циркуляцию крови в пальцах, Лиам опускается на колени и начинает разрезать веревки на лодыжках.

– Думаешь, это хорошая идея? – спрашивает из-за бампера открытой задней части фургона другой мужчина, имя которого пока неизвестно.

Лиам не отвечает, и мгновение спустя ноги Генри освобождаются. Не успевает Генри сделать и шаг, как Лиам складывает нож и убирает в передний карман, а затем небрежно тянется за спину и вытаскивает что-то из-за пояса.

Глаза Генри расширяются, когда гладкий черный металл пистолета – *настоящего* пистолета – выскальзывает из-за спины Лиам и спокойно повисает в руке. Генри успевает

подумать, что если Лиам наставит на него пистолет, мочевого пузыря абсолютно точно расслабится, и джинсы быстро промокнут от промежности до лодыжек.

Но Лиам не направляет пистолет на Генри. Он оставляет его висеть у бедра, пальцы сжимают металл, как питчер сжимает мяч перед броском.

– Видишь это? – спрашивает Лиам, слегка встряхивая пистолет, но оставляя ствол направленным в грязь. – Попытаешься убежать от меня, Генри, и я не буду кричать, – говорит он спокойно, холодно, серьезно. – Я не буду кричать твое имя, просить остановиться, бежать за тобой или заниматься подобной хренью. Я не коп, я не буду предупреждать. Ты понимаешь?

Лиам опускается на колено, и его яркие глаза впиваются в глаза Генри, задние фары фургона окрашивают мужское лицо в темно-красный цвет. *«Как деревья, – думает Генри. – Как дьявол».*

Но Генри встречается с ним взглядом и изо всех сил старается не отворачиваться. Через мгновение взгляд Лиама смягчается, и Генри видит малейшие намеки на улыбку в уголках губ, и ему почти хочется улыбнуться в ответ, потому что – к лучшему или к худшему – такие дети, как Генри, всегда будут хотеть верить в лучшее в людях.

А потом Лиам продолжает.

– Если ты убежишь от меня, я выстрелю тебе в спину, – говорит он хладнокровно и размеренно. Бесстрастно. – Если

каким-то чудом ты не умрешь, я выстрелю снова, скорее всего, в затылок, пока ты будешь лежать лицом вниз в сраной грязи.

Генри пытается отвернуться, но Лиам мягко вдавливая палец ему в щеку и поворачивает голову, пока их взгляды снова не пересекаются.

– Я не буду дважды думать. Я тебе не вру. Я не хочу этого делать, но все же я – абсолютно и без сомнения – так *делаю*, и без колебаний.– Лиам кладет свободную руку Генри на плечо, будто передает ему один из величайших жизненных уроков.– Мне нужно, чтобы ты поверил мне, Генри. Ради нас обоих, ладно?

Лиам ждет, а у Генри отвисает челюсть, полный мочевого пузыря забыт настолько же, насколько домашнее задание, которое наверняка надо завтра сдать. Генри обдумывает слова этого человека, и его взгляд перемещается на серебристый блеск металла в сжатом кулаке. Мальчик подумывает попытаться прочесть мысли Лиамы, но он слишком устал, слишком напуган – мозг кажется сморщенным и слабым, нервы напряжены, мысли вялые. С каждым мгновением с этими людьми в холодном лесу его решимость и мужество слабеют, обреченность нынешней ситуации просачивается, как кровь, сквозь завесу отречения и становится более ощутимой, более пугающей. Более *реальной*.

Ужас сковывает позвоночник, и Генри горбится. Безмолвно. Бездумно. Он предпринимает последнюю нерешитель-

ную попытку дотянуться до разума Лиама, но не видит ничего, кроме выбившихся черных шелковистых прядей, свидетельствующих об опасности. Такая смутная, холодная пустота.

Генри не может сосредоточиться, чтобы увидеть больше, но ему хватило, чтобы признать правду в словах этого человека.

Он не врал.

– Кивни, если поверил,— говорит Лиам почти шепотом со своим странным акцентом.

Генри кивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.